

Народная
книга

Автор-составитель

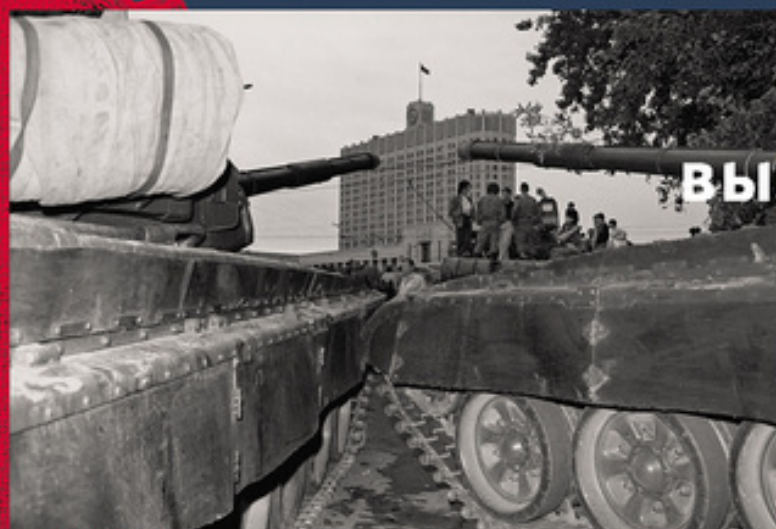
Александра Маринина

Были 90-х

ТОМ 1

Как мы

выживали

Народная книга

Коллектив авторов

**Были 90-х. Том 1.
Как мы выживали**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коллектив авторов

Были 90-х. Том 1. Как мы выживали / Коллектив авторов —
«Автор», 2017 — (Народная книга)

ISBN 978-5-04-089696-7

Трудно найти человека, который бы не вспоминал пережитые им 90-е годы прошлого века. И каждый воспринимает их по-разному: кто с ужасом или восхищением, кто с болью или удивлением... Время идет, а первое постсоветское десятилетие всё никак не отпускает нас. Не случайно на призыв прислать свои воспоминания откликнулось так много людей. Сто пятьдесят историй о лихих (а для кого-то святых) 90-х буквально шквалом ворвались в редакцию! Среди авторов – бывшие школьники, военные, актеры, бизнесмены, врачи, безработные, журналисты, преподаватели. В этой пронзительной коллективной исповеди нет ни грамма художественного вымысла или политической пропаганды, радужных мифов или надуманных страшилок. Всё написано предельно искренне, слова идут от души, от самого сердца! И вот результат: уникальные свидетельства очевидцев, самый компетентный, живой и увлекательный документ эпохи. Эта поистине народная книга читается на одном дыхании. Опубликованные здесь рассказы, эссе и зарисовки – подлинная реальность, которую сегодня трудно найти на ТВ и в кино, которую вряд ли рискнут издать журналы и газеты. Александра Маринина

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089696-7

© Коллектив авторов, 2017

© Автор, 2017

Содержание

Благодарности	7
Предисловие от автора-составителя Александры Марининой	9
И все рухнуло...	11
Клариса Пульсон	11
Курьерша	12
Александр Филичкин	14
Помойка	15
Елена Рехорст	17
Свечи в темноте	18
Ирина Милопольская	20
Психиатр	21
Часть 1	21
Часть 2	23
Александр Ралот	27
Гарфильд и другие события	28
Игорь Ключев	30
Записки челнока	31
Петр Муратов	34
И сладок мне мой горький, мой, патриота, хлеб...	35
Роман	38
Александр Шабанов	40
Обмен	41
Мы выживали и выжили	43
Виктория Бочарова	43
Я и 90-е	44
Лариса Попова	46
Шел август 91-го года	47
Марина Алексеева	48
Жена декабриста	49
Людмила Смыкова	51
Как я гребла золото лопатой	52
Надежда Ковалева	54
Студенческие 90-е	55
Георгий Барабанов	56
Воспоминания полковника	57
Александр Филичкин	60
Сахар	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Были 90-х Том 1 Как мы выживали

© Алексеева М. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Благодарности

Выражаем благодарность всем авторам сборника и партнерам за помощь в создании и популяризации книги.

За эксклюзивное интервью, экспертное мнение и участие во встречах с участниками конкурса историй и авторами сборника благодарим:

писателя, журналиста, преподавателя, литературного обозревателя газеты «Комсомольская правда» Олега Жданова;

историка-медиевиста, заслуженного профессора Российского государственного гуманитарного университета, доктора исторических наук Наталью Басовскую;

музыканта, продюсера, писателя, лидера и основателя культовой группы «Мегаполис» Олега Нестерова;

писателя Владимира Карпова;

писателя Анну Берсеневу;

писателя Владимира Сотникова;

писателя Юрия Буйду;

музыканта, народного артиста России Юрия Розума;

режиссера, народного артиста РСФСР Владимира Меньшова;

писателя, драматурга Юрия Полякова;

певицу Маргариту Суханкину;

певца Андрея Губина;

телеведущую Александру Буратаеву;

певца, народного артиста РСФСР Льва Лещенко;

протоиерея Всеволода Чаплина;

писателя, ведущего программы «Умницы и умники», заведующего кафедрой мировой литературы и культуры факультета «Международная журналистика» МГИМО Юрия Вяземского;

режиссера и писателя Владимира Аленикова;

руководителя Российского медико-реабилитационного центра заболеваний опорно-двигательного аппарата, академика, профессора, доктора биологических наук, народного артиста России Валентина Дикюля;

космонавта-испытателя Павла Виноградова;

писателя, ученого-востоковеда, экономиста, основателя и президента независимого научного центра «Институт Ближнего Востока», профессора Евгения Сатановского;

актера театра и кино Владимира Пермякова;

сеть «Московский дом книги» за популяризацию и распространение книг, посвященных 90-м годам, и проведение творческих встреч с автором-составителем сборника «Были 90-х» Александрой Марининой.

Особая благодарность Ирине Козловой и Кларисе Пульсон за все творческие инициативы и усилия по поддержке проекта на всем его протяжении и во всех его проявлениях.

Интервью и комментарии наших экспертов вы можете прочитать на сайте «Народная книга»

<http://nk.ast.ru/>

Модератор сайта «Народная книга» – Георгий Гугнин.

Особая благодарность Московскому дому книги и его руководителю Надежде Ивановне Михайловой за проведение встреч с автором-составителем сборника, организацию тематической выставки-продажи книг о жизни в 90-е годы и активное вовлечение читателей в народный проект «Были 90-х».

Специальные благодарности:

За организацию акции «90-е годы за 1 день» и сбор историй для книги благодарим начальника отдела методической работы и инноваций ГБУК г. Москвы «ЦБС «Новомосковская» Александру Стеркину, директора Центральной библиотеки № 21 ЦБС САО ГБУК г. Москвы Дарью Белену и начальника отдела маркетинга и рекламы ЦБС САО ГБУК г. Москвы Жанну Хохлову.

За информационно-рекламную поддержку проекта благодарим Межгосударственную телерадиокомпанию «МИР» и лично руководителя службы интернет-вещания Марию Чегляеву, а также редакцию журнала «Антенна-Телесемь» и лично заместителя главного редактора Станислава Бабицкого за информационную поддержку и помощь в сборе историй.

БЛАГОДАРИМ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА «НАРОДНАЯ КНИГА. БЫЛИ 90-х»!

Все истории конкурсантов опубликованы на сайте «Народная книга» <http://nk.ast.ru/>

Предисловие от автора- составителя Александры Марининой

Когда меня пригласили стать автором-составителем сборника народных историй «Были 90-х», многие знакомые искренне мне сочувствовали: «Тебе будет очень тяжело, на тебя обрушится поток рассказов о горе, унижении, обнищании, о разочарованиях и рухнувших надеждах, о войне, о преступлениях и мерзостях...» Честно признаться, я поверила этим предупреждениям и внутренне мобилизовалась, готовилась не утонуть в море слез и горестных воспоминаний.

Но оказалось, что меня обманули. И я сама тоже обманулась. Чему я – признаюсь искренне – невероятно рада! Через четверть века люди вспоминают девяностые годы прошедшего столетия, как правило, без ужаса и трагизма. Это не значит, что они забыли. Они все помнят. Но прошло время, и даже на самое тяжкое, самое печальное мы умеем взглянуть порой спокойно, а порой даже с улыбкой. Моря слез не случилось. Случилось прикосновение к мудрости, к человеческому, личностному взрослению, к обретению нового взгляда, нового понимания каких-то вещей, событий, чувств и мыслей.

В разделе «И все рухнуло...» собраны истории о том, как полетели под откос надежды и ожидания, планы и расчеты, уверенность в завтрашнем дне и преданность выбранной любимой профессии. Название раздела «Мы выживали и выжили!» говорит само за себя и в комментариях не нуждается, как не нуждается в комментариях и раздел «Война». В разделе «Бизнес по-русски и не только» – пестрая картина успешных и неуспешных попыток заработать деньги предпринимательством, чаще всего – торговлей и перегоном подержанных автомашин из Европы.

Читая присланные истории, нельзя было не обратить внимания на то, как по-разному видят эпоху девяностых люди в зависимости от возраста: те, кто был ребенком, ощущают эти годы совсем не так, как те, кто проживал в этот период свою молодость, и уж тем более совсем не так, как люди зрелого и старшего возрастов, выросшие и сформировавшиеся в «доперестроечное» советское время. Иллюстрация этого – раздел «Взгляд с разной высоты».

Да, взгляд с высоты разного возраста – разный. Но и взгляд на одни и те же события или проблемы с разных точек зрения, с позиций разных жизненных ситуаций тоже не одинаков. В разделе «Об одном и том же» истории объединены в пары и тройки: казалось бы, рассказы на одну и ту же тему, а насколько же они отличаются друг от друга! Отличаются и фактурой, и настроением, и финалом.

«Железный занавес» отменили, свободный выезд за границу дали! И мы столкнулись с той самой жизнью, которую знали только по кинофильмам и книгам и увидеть которую собственными глазами, пощупать собственными руками зачастую даже не надеялись. Чего только мы не представляли об этой жизни! А оказалось, что все, мягко говоря, не совсем так... И огромное изумление наше, когда мы вдруг поняли, что такое разность менталитетов: ни мы иностранцев не понимаем, ни они нас. Истории о первых столкновениях с «вождем заграницей», о первых впечатлениях, восторгах и разочарованиях, – в разделе «Все не так, все не такие».

«Крупным и мелким мазком» – это зарисовки. Ситуаций, впечатлений, судеб, эмоций – всего, чего угодно. Это просто истории. О некоторых из них вы можете сказать: ну и что особенного? Такое могло случиться где угодно и когда угодно, необязательно в 90-е и необязательно в России. Возможно, вы будете правы, если так подумаете. Но мне кажется, эти истории не могли бы произойти, если бы не соединились воедино необходимые составляющие: перемены в стране и присущая только нашему человеку ментальность.

Число историй, рассказанных с улыбкой, оказалось столь велико, что лучшие из них собраны в отдельную рубрику. Очень надеюсь, что чтение этой главы сборника поднимет читателю настроение. И в самом конце книги – несколько текстов, которые словно подводят итог, отвечая на вопрос: так какими же все-таки были эти пресловутые 90-е?

Может показаться, что жизнь в последнем десятилетии XX века была, в общем-то, неплохой и даже почти веселой. Может. Если опираться только на тексты, собранные в этот сборник. Но на самом деле все мы понимаем, что тексты написаны теми людьми, кто счел для себя возможным принять участие в этом проекте. Людьми, которые пережили 90-е со всеми тяготами и невзгодами, не сломались, выжили и сохранили силы и энтузиазм, для того чтобы написать свою историю. Поэтому не будем утверждать, что нашему сборнику «Были 90-х» присущ энциклопедический охват и полномасштабная картина жизни страны в тот период. Это, безусловно, не так. Наш сборник – всего лишь зеркало мыслей, чувств и воспоминаний тех людей, которые сочли нужным ими поделиться. А сколько их, тех, кто не выжил, не выбрался, не выстоял! И сколько страшных и горьких историй они могли бы рассказать! Но не рассказали...

Александра Маринина

И все рухнуло...

Клариса Пульсон

Москва

В 90-е годы – аспирантка, журналистка. В наши дни – книжный обозреватель в «Российской газете», «Новой газете», «Читаем вместе», главный редактор портала «Книги моей жизни».

Курьерша

Вика закончила филфак с красным дипломом, поступила в аспирантуру, готовила диссертацию по Писемскому. Она была дотошная, не халтурила, работа шла медленно. К тому же она с четвертого курса работала – лаборанткой на родной кафедре. В начале перестройки вышла замуж за препода с истфака. Как только стало можно, муж зарегистрировал кооператив и, договорившись с нашей типографией, стал печатать книги – репринты, учебку и, с учетом потребностей публики, переводные детективы, что-то даже переводил сам. Сам грузил, сам развозил пачки, даже торговал у перехода на Пушкинской по выходным сам. Все без отрыва от чтения лекций. Пока все было – вкалывал, в 93-м купил развалюху, одно название – машина, главное – ездила. За это время Вика родила двоих и почти добила Писемского. Правда, зрение у нее окончательно испортилось – заказывала специальные очки с линзами, отчего взгляд был особенно беззащитным. А так – все хорошо. К 95-му они, как говорили не в наших кругах, «поднялись». Новая «Нива», в кооперативе – три наемных сотрудника, и новое жилье – большая двухкомнатная квартира. Забрали свекровь из маленького уральского городка. Съездили в Италию, муж читал курс по медиевистике, давно мечтал, Вика всем привезла подарки, а себе – красивую и удобную сумку на колесиках радужной расцветки (не чета нашим пенсионерским), которую смешно называла торбой. Через год, зимой, Вика только-только родила третьего сына, мужа убили, забрал тираж поздно вечером и, видно, поехал не по той дороге. Ни машины, ни книг, а он с проломленной головой на обочине. Прожил еще сутки.

Расклад такой – почти слепая Вика, старшему сыну – девять, младший – в пеленках, и старушка, которая не понимает, куда подевался сын. С уставными документами на ООО и прочим наследством оказались большие проблемы, выходило, что жена погибшего еще что-то кому-то должна, умные люди посоветовали отступить. Отступилась. Выяснилось, что на работу ее никто не возьмет: кто «по глазам», кто по «семейному положению». Даже уборщицей устроиться не могла – и тут, оказывается, нужно хорошее зрение. Тогда друзья и коллеги, подумав, предложили ей ставку лаборантки на все той же родной кафедре. На такую зарплату уже не соглашались даже иногородние студентки. Она умудрялась все делать дома, вызванивала, договаривалась, документацию, благо что и как делается, еще помнила. Бумажки отвозила на работу два раза в месяц, в дни зарплаты. Когда заходила в комнату, народ опускал глаза – Вика ходила в длинной юбке (зимой – темная, летом, посветлее), кофты на пуговках, выцветшие водолазки, что-то неопишное на ногах, особенно когда холодно, бесформенные куртки мужа. И огромная для ее невеликих размеров торба на колесиках, цветная радуга превратилась в мутные разводы. Оттуда она вытаскивала стопки аккуратных бумаг – от руки написанные протоколы заседания кафедры и все остальное. Торба была на все случаи жизни: в ней и картошка, и капуста, и хлеб, и книги, и детская обувь из ремонта... Потом умерла бабушка, значит, минус ее пенсия. Стало еще веселее. И тут случилось. Вику на улице окликнула бывшая соседка-одноклассница, можно сказать, подруга. Потасила в кафе, стала расспрашивать, попыталась угостить. Вика отказывалась, говорила – лучше детям. Подруга успокоила, что и детям будет. Просидели довольно долго. Подруга сказала, что обязательно придумает, как помочь: «Не, не в долг, я ж понимаю».

Спустя неделю Вике позвонил мужчина с густым голосом и назначил встречу – собеседование на квартире. Предложение оказалось совсем неожиданное для нее – отвезти-привезти – курьерша. На все слова, что ходит не очень уверенно, и со зрением беда, ей ответили: «Вы нас вполне устраиваете». С тех пор три-четыре раза в неделю Вика со своей торбой ездила по разным местам: иногда квартиры на окраинах, иногда офисы в центре, рынки, непонятного

назначения заведения... Алгоритм был один и тот же: она приезжала по адресу, который утром называли по телефону, там ее сажали на стульчик, давали воды или чаю, забирали ее торбу в соседнее помещение, минут через сорок возвращали в наполненном состоянии и говорили, куда ехать. Адрес просили не записывать. Она приезжала туда, ее снова сажали в предбаннике, забирали торбу, возвращали опустошенной, давали денег и говорили: «До свидания». Одна такая «ходка» стоила квартальной зарплаты лаборантки. Пару раз в месяц приходилось ездить на электричке в дальнюю область, тогда платили больше.

Она ни разу ни о чем не спросила. Ей ни разу никто ничего не объяснил. Она, если совсем честно, почти про это и не думала. Про то, что купит по дороге и привезет в торбе детям – думала, а про остальное – нет. Радовалась про себя, что рассмотреть ни места, ни людей не может, и адреса быстро стирались из памяти.

После кризиса 98-го «ходовок» стало меньше, потом вроде снова вошли в ритм, так что кризис Викиного семейства почти не коснулся. Все потихоньку стало сходиться на нет к Миллениуму. Однажды мужчина с густым голосом сказал, что работы для нее больше нет. Дал что-то вроде выходного пособия. В конверте. Обычно ей совали купюры в руки. Напоследок предложил выпить, она почему-то согласилась. Пошли на кухню, мужчина разговорился, после нескольких рюмок спросил: «Знаешь, что возила?» Вика отрицательно помотала головой. «Деньги ты возила, деньжищи, – заржал он. – Миллионы. Не рублей!» И налил себе еще.

Все это она мне рассказала на следующий день почти спокойным голосом. Больше не знает никто. Даже теперь уже совсем взрослые дети.

Александр Филичкин

Самара

До 90-х – архитектор. В 90-е – инженер-строитель. В настоящее время – архитектор в проектном институте.

Помойка

В начале девяностых годов моя мама кое-как скопила немного денег, пошла в магазин и приобрела очень нужную вещь. В тот же день новый диван привезли в нашу скромную квартиру. После чего я занялся его собратом, который служил нам верой и правдой более двадцати лет. Сняв боковины, я распотрошил длинное сиденье со спинкой и разобрал старый предмет мебели.

Разбирая кучу обломков, я обнаружил две пружинные панцирные сетки. За долгие годы работы они ничуть не потускнели и блестели так, словно только вчера сошли с конвейера. Несмотря на отличный внешний вид, девать их мне было совершенно некуда, а применить не к чему. Поэтому я взял обе решетки и понес их на помойку вместе с прочим мусором.

Когда я подходил к контейнерам, то увидел, что впереди меня шагают двое крепких мужчин среднего возраста. Должен сказать, что они были одеты ничуть не хуже меня – архитектора с большим стажем. На обоих виднелись почти новые кожаные куртки, в меру поношенные джинсы и вполне приличные кроссовки.

Один из моих попутчиков вдруг говорит:

– Смотри, рубль. Берем?

– Берем! – отвечает его товарищ. Нагибается, поднимает с асфальта пустую бутылку из-под пива и сует ее в матерчатую авоську. Они идут дальше, и второй мужчина начинает рассказывать:

– Вчера вечером встретил Кольку из соседнего подъезда. Ну, тот самый, с которым мы дружили в школе. Мужик вышел из прекрасной тачки. Отлично упакован, с золотой гайкой на пальце и толстой цепью на шее. Мы немного поболтали. Он рассказал, что отлично устроился, все у него в полном порядке.

К концу нашего разговора Колян достал из дорогой куртки навороченный телефон. Пощелкал кнопками и назвал мне свой номер. Я нашел в кармане потертую бумажку, шариковую ручку и на всякий случай записал цифры. После чего он меня спрашивает:

– А какой у тебя сотовый?

Я честно отвечаю:

– У меня нет мобильного.

Он сильно удивился:

– Как же ты обходишься без него?

– Да так, – пожал я плечами.

– Ведь это же очень удобно, – начал он меня уговаривать: – Всегда можно соединиться с кем хочешь. Поговорить. Назначить стрелку. Купи себе обязательно и сообщи мне свой номер. Мы с тобой созвонимся.

– Непременно, – отвечаю я, а сам думаю: «Ну, звякнешь ты мне и предложишь: – Давай встретимся! – Потом спросишь: – Ты сейчас где? Я за тобой заеду. – И что я ему отвечу? – Извини, мол, никак не могу. Сейчас я шарюсь по помойкам!»

Товарищи по несчастью приблизились к мусорной площадке и принялись деловито рыться в полупустых баках. Следом за ними подошел я. Захотел как-то помочь обнищавшим людям и ничтоже сумняшеся предложил:

– Мужики, возьмите пружинные сетки. Вон они как блестят, наверняка сделаны из нержавеющей стали. Сдадите в пункт приема металла. Выручите какие-то деньги.

Один из искателей вторсырья бросил беглый взгляд на предложенные мной предметы и хмуро пробурчал:

– Нет, это обычная сталь. Скорее всего... – и, не задумываясь, назвал несколько букв и цифр, видимо, обозначающие тип сплава.

Ошеломленный его быстрым и точным ответом, я положил никому не нужные железки возле контейнера и направился домой. Шел и думал:

– Или этот человек раньше был хорошим металлургом, который мог определить на взгляд марку стали, или на худой конец работал на заводе и сам клепал сетки для диванов.

Отойдя на полсотни метров, я наткнулся на давнего школьного приятеля, с которым когда-то учился вплоть до восьмого класса. Потом он связался с плохой компанией, совершил что-то преступное и даже сидел два или три раза.

Похоже, он тоже заметил меня издали. Остановился и поджидал, когда я подойду ближе. Пока я двигался к бывшему однокашнику, он задумчиво смотрел на тридцатипятилетних мужиков, рывшихся в мусорных баках.

Мы поздоровались, и он возмущенно сказал:

– Надо же дойти до такого скотского состояния.

– Может быть, людям жить не на что, – попытался я их оправдать. – Вот и собирают всякий хлам, чтобы не умереть с голоду.

– Да лучше я убью какого-нибудь чинушу и сяду в тюрьму на всю жизнь, чем буду лазать по помойкам, – резко оборвал меня старый знакомый.

Я не нашел что сказать в ответ. Мы молча пожали друг другу руку на прощание и пошли каждый своей дорогой.

Елена Рехорст

Копенгаген

До 90-х – преподаватель. Во время 90-х – разнорабочая. После 90-х – преподаватель. В настоящее время – домохозяйка.

Свечи в темноте

В 1991 году, когда Советский Союз приказал долго жить, мы в одночасье оказались в другом государстве – независимой Эстонии. Все русскоязычное население новой страны невольно разбилось на три группы. Первая группа тотчас засобиравалась в Россию. Люди обивали пороги российского посольства, искали в России родственников, место работы или учебы... Вторая группа тоже начала паковать чемоданы. Но не в Россию. Свое будущее они видели на Западе. Создалась группа «Канада». Другие почему-то выбрали Аргентину. Но большинство рвануло в Финляндию. Ну а в третью группу вошли те, кто уезжать никуда не хотел или не мог. Да и куда ехать человеку, родившемуся и всю жизнь прожившему в Эстонии? Но были еще и такие, кто вообще оказался между небом и землей.

Предприятия закрывались, люди оставались без работы, а найти новую было невозможно. Поэтому все хваталось за любую возможность хоть как-то заработать деньги. И вот в это время в Эстонию вдруг приехал известный австрийский кинорежиссер Максимилиан Шелл со своей тогдашней женой Натальей Андрейченко. Он решил снимать здесь свой фильм «Свечи в темноте», рассказывающий об обретении Эстонией независимости. В газетах было объявлено о наборе людей в массовки. Желающих оказалось так много, что люди занимали очереди с ночи для того, чтобы пройти отбор. Это было неудивительно, сумма за один съемочный день обещалась по тем временам просто баснословная – 100 крон. Но брали не всех. Меня и еще несколько девушек отобрали сразу, и вскоре мы приступили к своей новой работе. В основном все съемки были ночными. Мы должны были ходить со свечами или участвовали в каких-то других уличных сценах, нас снимали на развалинах монастыря Святой Бригитты... Стояла зима и было очень холодно. В перерывах между съемками мы бегали греться в автобус. Когда под утро съемки заканчивались, нас всех развозили по домам. Я и еще одна девушка Катя жили на окраине Таллина, а развозить начинали с тех, кто жил в центре. Поэтому домой мы приезжали уже утром. В одну из поездок Катя немного рассказала о себе. Получилось так, что она как раз и оказалась между небом и землей.

– Моя мать уже несколько месяцев была без работы после того, как ее сократили с «Двигателя». Отчим перебивался случайными заработками, но их никак не хватало. Они с матерью все чаще начали выпивать, а все разговоры сводили к переезду в Россию. Своего будущего здесь они не видели. Моего с младшей сестрой мнения они никогда даже не спрашивали. У матери где-то в Свердловской области имелись дальние родственники. К ним они и решили пока переехать. Но я не хотела никуда переезжать, я родилась здесь и переезд куда-то меня пугал. Я несколько раз говорила матери, что не хочу уезжать, и решила стоять на своем. Тем временем отчим нашел каких-то людей, которые помогали переселенцам. Квартиру мы не могли продать, так как за нее имелся уже огромный долг, и к нам несколько раз приходили предупреждения о выселении. Когда настал день отъезда, я просто сбежала. Жить мне было негде, в паспорте стояло, что из Эстонии я выписана. Несколько дней я мыкалась, пока не очутилась на свалке. Там оказывались в конце концов все, кому некуда было деться. Некоторые жили целыми семьями. Все оказались здесь по разным причинам. Многих обманули с переездом, и они оказались без денег и без документов, кто-то потерял работу и жилье, были здесь и образованные люди. С питанием проблем не было. Соки в картонных упаковках, хлеб, сыр, колбасы, фрукты – все можно было найти, да и одежда красивая попадалась. Но без выпивки на свалке не выжить. Она заглушает запах. Поэтому пить приходилось каждый день. Мы собирали металл, бутылки. Так незаметно прошло два года. Я испортила здоровье. У меня началась астма, болела печень, легкие, и я поняла, что надо как-то попытаться выбраться отсюда. Я с детства мечтала стать актрисой и когда случайно узнала о съемках, сразу приехала сюда. Мне было так интересно посмотреть, как снимается фильм, да еще и самой в этом поучаствовать.

А тут еще увидела объявление в газете, что приглашаются девушки на высокооплачиваемую работу за рубеж для работы танцовщицами в ночном клубе. И документы для выезда обещали сделать. Я набралась смелости и позвонила по указанному телефону. Мне назначили встречу. Игорь, мужчина, пришедший на встречу, заверил, что документы сделать не проблема. Работать нужно будет в ночном клубе в Германии, а танцевать обучат на месте. Я уже ушла со свалки, живу вместе с двумя другими девушками в квартире, которую Игорь нам пока снял перед отъездом. Я так благодарна Игорю, без него я бы никогда не выбралась со свалки.

– Да ты с ума сошла! – ужаснулась я. – Ты, наверное, забыла на свалке все свои мозги! Разве не понимаешь, во что можешь влипнуть? Везде только об этом и пишут, чтобы предупредить таких безмозглых дур, как ты!

Катя только рассмеялась на мое предостережение.

– Не думаю, что там будет хуже, чем на свалке, думаю, что справлюсь.

– Но ты можешь... – начала я.

– Нет, – прервала меня Катя, – не могу.

В это время автобус остановился возле моего дома.

– До завтра. – Я махнула Кате на прощание рукой и вышла.

На следующий вечер Катя не пришла на съемки. Не пришла и потом. Больше я ее никогда не видела. Что с ней случилось? Надеюсь, что она осуществила свою мечту и стала актрисой. Или вместо Германии попала в какой-нибудь турецкий бордель? Вернулась опять на свалку? Или, может, нашла какого-то богатого иностранца и преспокойно живет где-нибудь на берегу моря... А может, давно уже умерла, и никакие свечи никогда больше не осветят в темноте ее дорогу...

Ирина Милопольская

Москва

В молодости сыграла главную роль в фильме «Накануне» (реж. В. Петров, 1959 г.), до, в и после 90-х работала врачом-психиатром в России. Кандидат медицинских наук. Писатель, автор романов «Педофил», «Порок сердца»

Психиатр

Часть 1 На приеме

Прием в поликлинике начинался в восемь часов, и ровно без четверти восемь Елена Сергеевна вошла в свой кабинет. У дверей уже собралась очередь, человек восемь-десять, и это было довольно много для той тихой ведомственной поликлиники, где она трудилась консультантом-психиатром почти уже четыре года. Быстро надела белый халат и переобулась в легкие разношенные туфли, сбросив насквозь промокшие сапоги. Привычным жестом достала из сейфа личную печать, тонометр и две пачки рецептурных бланков: одну для обычных лекарств, вторую – номерную, особо учетную – для сильнодействующих. Здесь она редко прибегала к ним. Машинально, по старой привычке потянулась к телефону, стоявшему на ее письменном столе, и также машинально отвела руку: некому теперь было звонить, некого спросить, как прошла ночь, как самочувствие. Мама умерла полгода назад. Тяжелая холодная глыба неправимого горя шевельнулась в груди и на время притихла.

Елена Сергеевна не один десяток лет работала психиатром. Все, кажется, прошла: и «острые» отделения в психбольницах, и немыслимые по напряжению, тяжести и даже опасности приемы в районных психоневрологических диспансерах. Все пережила: и посещения на дому в одиночку, и госпитализации с помощью милиции опасных, агрессивных больных, и нападения. Недавно оформила пенсию. Смешно теперь вспомнить, как собирала все справки о зарплате, отовсюду, где когда-то работала по совместительству. Пенсия получилась маленькая, жалкая, примерно как у всех. Жить на нее было нельзя. Продолжала работать. Но не из-за денег. Просто она давно уже не мыслила своей жизни без этой работы, без своих пациентов. Не то чтобы она их любила, нет, но она была очень тесно связана с ними, она участвовала в их жизни, помогала им жить. Они стали для нее почти родственными душами. Они не страдали тяжелым эндогенным психическим расстройством, а были просто особенно душевно уязвимыми, эмоционально ранимыми, попавшими в сложные жизненные ситуации – среди ее пациентов таких было немало.

С течением лет она, в конце концов, совершенно отчетливо поняла: из «большой» психиатрии нужно уходить. Бесконечные очереди, конвейер тяжелых больных с бредом, галлюцинациями. Порой к концу смены у нее колени и руки дрожали от напряжения, щеки пылали, давление зашкаливало. А тут еще совсем недавно прямо на приеме в своем кабинете умерла ее коллега, Нина Михайловна – острый обширный инсульт.

Работу нужно было менять срочно, по жизненным показаниям. И ей повезло: освободилось место в солидной, довольно известной московской поликлинике. И многие ее пациенты с «пограничными» невротическими проблемами, а порой уже и их дети и внуки, которых она вела годами, те, кто не был связан необходимостью строгого учета в диспансере, пошли за ней в эту поликлинику и продолжали у нее лечиться.

Теперь наконец у нее настала совсем иная жизнь, поистине жизнь на «заслуженном отдыхе»: всего-то четыре-пять человек на приеме и не с психозами, как прежде, а с невротическими расстройствами, семейными проблемами, неразделенной любовью и просто тех, кто нуждался в совете, сопереживании, участии и помощи.

Сегодняшний прием обещал быть несложным: судя по подобранным историям болезни, все пациенты были повторными, всех она уже хорошо знала. Первой в кабинет вошла Анна Егоровна Ставицкая: маленькая интеллигентная старушка в неизменной белоснежной блузке с бантом вместо воротника. Жила она вдвоем с мужем, детей у них не было. Муж Анны Его-

ровны страдал онкологией и после тяжелой, как оказалось, бесполезной операции испытывал страшные боли. Он плакал и от этих невыносимых болей, и оттого, что невольно мучает свою жену, с которой прожил почти пятьдесят лет, и она плакала вместе с ним, сама делала ему перевязки – медсестры было не дожидаться, а тут еще и врач отказался выписывать ему анальгетики. Без лишней щепетильности сказал им обоим, что в таком состоянии надо ложиться в хоспис, где есть все лекарства, а не напрягать без пользы докторов. В хоспис Анна Егоровна мужа, естественно, отдавать не хотела, добывала обезболивающие любыми, в основном нелегальными, путями за большие деньги. Она выглядела страшно измученной, бледной. Ну что тут можно было поделать? Елена Сергеевна пообещала через своего главврача связаться с главным онкологом района, выписала на сей раз сильнодействующие успокаивающие и снотворные, в основном для мужа, как могла утешила Анну Егоровну, обняла ее и проводила из кабинета. Как жаль было эту старую женщину, и что ей еще предстоит! Сердце сжималось.

Павел Петрович Красносельцев, член Союза художников, на сей раз был без своего элегантного твидового пиджака и галстука. Всегда подтянутый и энергичный, сегодня он выглядел непривычно бледным и растерянным. Оказалось, что ночью у его жены внезапно, впервые в жизни возник эпилептический припадок. Вызвал «Скорую», та отвезла жену в известную на всю страну городскую больницу, что на Ленинском проспекте, с предположительным страшным диагнозом: опухоль мозга. А в больнице свободных мест в неврологии нет, персонала нет, врача не дожидешься. Пришлось самому бегать по отделению в поисках врача, а тот все отмахивался, мол, работы у него невпроворот. Наконец, догадался сунуть ему в карман все деньги, что были у Павла Петровича с собой – только тогда он и подошел к его жене. В палате для нее места так и не нашлось, оставили в коридоре. Тут же поехал домой: привез матрац, два комплекта нового постельного белья, две ночные рубашки и халат – в больнице ничегошеньки не было.

Бедный Павел Петрович чуть не плакал, у него заметно дрожали руки. Господи! Какое несчастье! Долго Елена Сергеевна утешала, убеждала, что все обойдется, что припадок наверняка имеет сосудистое, а не онкологическое происхождение, и успокаивала его как могла, и опять сильные снотворные и транквилизаторы выписывала и взяла с него слово, что он обязательно придет к ней через пару дней, – когда сможет, без всякой записи.

Что же это за день сегодня такой несчастный! Ни одного спокойного планового визита! Хотя нет, вот, кажется, у Зои Васильевны все хорошо. Пришла просто что-нибудь «для памяти» выписать, давление померить. Вообще-то у Зои Васильевны единственный сын страдал дебильностью, она приводила его как-то к Елене Сергеевне. И как только среднюю школу ему закончить удалось? Об этом можно было только догадываться. Семья была далеко не бедной, у отца был свой бизнес. И вот теперь их Славик стал настоящим «банкиром», то есть в приличный банк устроился на очень хорошую зарплату и даже собирается себе джип купить. Правда, водительских прав у него нет, и, скорее всего, получить он их не сможет. Быть может, Елена Сергеевна поспособствует им, не безвозмездно, конечно. Нет? Не сможет? Как жаль! Они так рассчитывали на нее! Но ничего страшного, они обязательно найдут выход из положения. Ушла важной походкой, видно было, что гордится своим сыном. Ладно, было бы им хорошо. Кому-то же должно быть хорошо в этой жизни.

И все-таки сегодня был какой-то особенно несчастливый день. Не успела Елена Сергеевна чуть-чуть расслабиться, как на пороге кабинета возникла Люся Незнамова, давняя ее пациентка, на сей раз вместе со своей непутевой, единственной, поздно родившейся дочкой Мариной.

Люся недавно похоронила мужа 53 лет. Все началось с того, что его сократили из КБ, где он прослужил не один десяток лет. КБ собирались ликвидировать, в его помещении уже обустроивался коммерческий ресторан. Устроиться инженером в ту пору было просто нереально, нигде инженеры почему-то не требовались. Решил зарабатывать деньги извозом: была у него почти новая «шестерка», которую, конечно, было жаль, но другого выхода не было. Переживал,

что опустился на такой уровень, что не смог вписаться в новую жизнь, стал выпивать. Однажды двое пассажиров, которых он вез в Домодедово, ударили его сзади чем-то металлическим по голове, выбросили по дороге в каком-то перелеске и угнали машину. Виталик только на другое утро добрался домой, а осознав все, что с ним произошло, и понимая, что «шестерку» его никогда не найдут, да и вообще никто искать ее не будет, выпил бутылку водки и повесился на спинке кровати.

Осталась Люся с восемнадцатилетней дочкой Мариной вдвоем, а та не на шутку увлеклась игрой в автоматах, казино и деньги на игру добывала по-всякому, ничто ее не останавливало.

Такая вот новая болезнь, примета нынешнего времени: игромания, то есть непреодолимая страсть к азартным играм, тяжелая патология, сродни наркомании. Врачи плохо ее знали, раньше о ней почти ничего не слышали и лечить ее толком не умели.

В настоящий момент Марина была беременна, сама не зная от кого, и срок беременности был уже слишком большой – аборт делать было поздно: боялась сразу все матери рассказать. Спасти ситуацию теперь могла лишь серьезная справка о необходимости прерывания беременности по медицинским показаниям. К примеру, у девочки тяжелая реактивная депрессия и даже суицидальные намерения, так вот она тяжело все случившееся переживает. Ни о чем Марина на самом деле не переживала, улыбалась во весь рот, в руках держала какой-то журнал мод. Как будто все происходящее вообще ее не касалось.

Люся плакала, умоляла помочь им. Ну что было делать, как не помочь? Люся столько уже пережила, да она просто скатится в депрессию, из которой вытащить ее будет невыносимо сложно. Так уже было у нее после смерти мужа.

Елена Сергеевна справку на специальном бланке оформила, у главного подписала, объяснив все, как есть, круглую печать поставила у главной медсестры. Все сделала грамотно и в истории болезни все правильно записала, чтобы никто придаться в случае чего не смог. Люся опять плакала, теперь уже от радости, пыталась ей коробку конфет вручить. Елена Сергеевна отказалась, им самим еще эта коробка пригодится. Ушли довольные. Знакомый гинеколог у Люси был. Да еще и успокаивающие ей выписала. Ровно через год выдала Люся свою дочку за горячего финского парня и тот увез ее на далекий финский хутор. Там уж ей было не до игровых автоматов.

И так все продолжалось до конца рабочего дня, пришлось даже задержаться на час. Елена Сергеевна, убирая рецепты в сейф, с удивлением заметила, как похудела пачка сильнодействующих, и еще она почувствовала, что руки у нее дрожат и щеки горят. Совсем как раньше после приема в диспансере. Давление измерять не стала, боялась. Просто надо было немного пешком пройтись, успокоиться. А завтра предстоит такой же рабочий день. Может быть, более тяжелый, но уж точно – не более легкий.

Часть 2

До и после приема

Ночью выпал первый снег и из окна все вокруг выглядело ослепительно-белым, чистым, праздничным. Хотелось скорее выйти из дома и вдохнуть свежий морозный воздух.

Елена Сергеевна отправилась на работу пешком. Она любила эту пешую прогулку длиною в час, когда можно было спокойно подумать и о вчерашнем дне, и о том, что предстояло сделать в дни ближайшие.

А в ближайшие дни предстояло ей лететь в Тольятти, а оттуда уже на машине ехать в Самару. Раньше нечастые полеты были настоящим праздником, началом отпуска, отдыха где-нибудь у моря. Теперь же она стала бояться самолетов. Особенно после недавней командировки в Архангельск. Летела местной авиакомпанией на маленьком «Боинге», который, похоже,

прожил не одну жизнь в разных странах и на разных континентах: он был каким-то обшарпанным, во время полета издавал странные надрывные звуки, будто страдал старческой астмой и никак не мог продышаться. Ремни безопасности не застегивались, столик висел на одном шарнире, а само кресло никак не могло принять вертикальное положение, как требовали бортпроводницы. Так она и летела всю дорогу полулежа, а когда самолет, резко подпрыгнув, наконец приземлился, Елена Сергеевна мысленно поблагодарила Бога за то, что в один конец дорога была преодолена.

Теперь лететь ей предстояло на очередную региональную конференцию психиатров и неврологов с лекцией по антидепрессантам, а по сути, с целью внедрения на российский фармацевтический рынок очередного импортного препарата, производимого во Франции. Фирма-производитель и поставщик этого антидепрессанта в Россию, наскоро проведя клинические испытания и регистрацию, теперь продвигала его самым настойчивым, едва ли не агрессивным способом. Все необходимые инстанции, начиная с Фармкомитета и заканчивая скромными медицинскими представителями в Москве и регионах, были ублажены и простимулированы, естественно, каждый на соответствующем уровне. Теперь оставалось только донести до практических врачей, которым предстояло назначать именно этот препарат и никакой иной, утверждая, что он самый эффективный, самый безопасный, что принадлежит он к препаратам новейшего поколения и ни один его конкурент ему и в подметки не годится.

На самом деле, и Елена Сергеевна знала об этом, препарат этот имел лишь новое торговое название и абсолютно ничем выдающимся от своих собратьев по классу не отличался. Однако лекцию прочитать согласилась, ничего криминального в ее информации не было, и за это она получит сто долларов, а поскольку лекций предполагалось две – вторая в Самаре, то и получить она должна целых двести долларов. Это тогда была для нее весьма значительная сумма.

Деньги эти нужны ей были позарез, не на тряпки или какую-нибудь женскую блажь, а просто на жизнь. Зарплату не выдавали уже третий месяц и ничего в ближайшее время не обещали, а денег в доме не то чтобы совсем не было – просто их сумма достигла критически минимального уровня.

Ей надо было еще собрать дорожную сумку, уже несколько дней стоявшую в прихожей, и доработать слайды для лекции, чтобы все было абсолютно убедительным и практические доктора отныне назначали своим пациентам только этот антидепрессант – самый эффективный, единственный в своем роде. Нужно сказать, что после ее лекций объемы продаж всегда взлетали многократно и ее, как палочку-выручалочку, звали в самые разные регионы страны, и Елена Сергеевна почти всегда соглашалась.

Потом она вспомнила о талоне, который уже пару недель лежит в ее кошельке, – еще, не приведи бог, пропадет, срок годности истечет. Надо его в ближайшее время отоварить. Достался он ей случайно, повезло. Из райздравики спустили несколько вещевых талонов для передовиков производства, и они с шумом, криками, обидами и нешуточными спорами распределялись на общем собрании коллектива. Теперь, будучи счастливой обладательницей этого талона, простояв ночь в живой очереди у Краснохолмского универмага, она могла по госцене, без всякой переплаты купить себе югославские или чешские сапоги – какие достанутся, а если уж совсем немисливо повезет, то китайский пуховик за 130 рублей.

В тот раз ей действительно повезло: совсем уж неожиданно достался еще и набор китайских кастрюль из нержавейки, он стоил целых 30 рублей, немисливо дорого для медиков их поликлиники, и все, на сей раз дружно, от него отказались. Никто из сотрудников не смог позволить себе такую роскошь.

И еще она думала, перешагивая через грязные лужи от быстро растаявшего ночного снега, что жизнь вокруг как-то уж очень быстро меняется и совсем не в лучшую сторону. Вот, к примеру, денег не платят, так ведь и купить на них нечего. Магазины стоят зловеще пустые, все давно сметено с прилавков, даже самые дешевые залежавшиеся консервы, даже простые крупы,

соль. Хорошо еще, что их поликлиника вовремя заключила договор с соседним продуктовым магазином, и теперь каждую среду после работы врачи, медсестры и санитарки выстраивались в очередь в темном грязном коридоре магазина, с черного хода, чтобы с улицы незаметно было, и по списку получали свой заказ: иногда даже замороженную курицу и полбатона колбасы или баночку сайры, а уж кильки в томате или пакет гороха, что прилагались в нагрузку, тоже были теперь совсем не лишними...

Отработала день. Закончила прием, чувствуя себя измотанной и разбитой. По дороге домой зашла в соседний гастроном. От него теперь только одно название и осталось: пустые полки, пустые холодильники. Даже для камуфляжа нечего выставить. Просто шаром покати. И народу нет. Может, еще к открытию какие-то продукты и выбрасывали, да ведь такие очереди с шести утра собирались, вряд ли что-то уже через десять минут кому-нибудь доставалось. Все сметалось в мгновение. Но у Елены Сергеевны в этом магазине работал грузчиком ее давний пациент Леня. Он еще в раннем детстве перенес тяжелую травму головы, и с тех пор мучился страшными головными болями и бессонницей. Он часто приходил к своему доктору за лекарствами, за советом. Иногда, когда Лене совсем плохо становилось, Елена Сергеевна давала ему ненадолго, на недельку, больничный, чтобы он просто отдохнул, отоспался.

Увидев своего доктора, Леня метнулся в подсобку и неприметно передал ей небольшой пластиковый пакет, а в нем пачка сливочного масла, две пачки творога, две коробочки сметаны и совсем уж немислимая роскошь – связка толстых сарделек! И чек аккуратно лежал сверху. Деньги Елена Сергеевна Лене также незаметно отдала, а переплату Леня у нее никогда не брал – доктор ведь!

Да, действительно жизнь менялась не к лучшему, и этот день оказался не исключительным, таким был теперь почти каждый прием: кто-то потерял огромные деньги в МММ, кто-то, вложив все средства да еще и в долги влезши на долевое строительство квартиры, тоже все потерял – квартиры в строящемся доме продали дважды. Кто-то от полной безнадеги взялся челночить и бесследно исчез по дороге из Китая. И спросить не с кого было, и пожаловаться тоже некому – еще и на бандитов нарвешься! Ни власти, ни милиции, ни закона.

На дворе стоял 1994 год.

И опять у Елены Сергеевны было по двадцать пациентов на приеме, и у всех – свои проблемы, свое горе. И чем она могла им, по сути, помочь? Вновь и вновь пропускала все через себя, переживала все вместе с ними, вела долгие душевспасительные беседы, утешала, успокаивала и все выписывала и выписывала не просто успокаивающие, но антидепрессанты, и все то, что когда-то назначала в диспансере, и пачки рецептов летели теперь одна за другой, и конца и края всему этому не предвиделось.

И самой последней каплей отчаяния, утраты всяческих надежд на что-нибудь хорошее в этой жизни было увидеть совершенно случайно на стихийном рынке у «Детского мира» на Дзержинке свою однокурсницу по мединституту Верочку Селиванову. Доктор медицины, известный аллерголог, интеллигентка далеко не в первом поколении, она стояла, закутавшись в старый шерстяной платок, и продавала, по-видимому, свою норковую шапку, стопку старинных книг и тарелку зелено-голубого кузнецовского фарфора.

И Елена Сергеевна поняла, что больше всего этого не выдержит, что так она себя душевно исчерпала, что ей и отдавать своим пациентам больше нечего: ей самой уже нужна и психотерапия, и успокаивающие да просто покой. И ей припомнились слова отца, сказанные им совсем незадолго до ухода: «Старость не бывает счастливой, но она должна быть спокойной» и еще: «Не бойся изменить свою жизнь, даже если жить тебе осталось всего один день».

И она решила уехать в Германию, была у нее для этого маленькая семейная зацепка. Нет, не навсегда, месяца на три-четыре. Оформила дополнительный отпуск за свой счет, всем своим пациентам выписала лекарства на полгода и раздала памятки, как их принимать в том или ином случае, пообещав вернуться в сентябре, твердо веря в это.

А все-таки на сердце было тяжело. Куда она едет, зачем? Она и звуки немецкой речи совершенно не воспринимала – удел военного поколения. И что-то подсказывало ей, что уехать тяжело, а вернуться будет еще труднее. Но она обязательно вернется! И слезы стояли в горле, и так хотелось подхватить свой маленький чемоданчик и вернуться скорее домой.

В зале отлета около нее оказалась группа молодых людей, судя по одежде – спортсменов. Они оживленно что-то обсуждали, смеялись, были возбуждены скорой поездкой за границу, а на спортивной сумке одного из этих ребят стоял транзистор, а из транзистора негромко звучал старый, душу рвущий марш – «Прощание славянки». И Вера Сергеевна не выдержала и тихо заплакала – заплакала горько, какими-то безнадежными, бесконечными слезами и остановиться никак не могла. Хорошо еще, что тут же объявили посадку и ей пришлось идти к самолету.

В конце концов ей можно сказать, повезло. Она попала в замечательный, знаменитый на весь мир старинный романтический немецкий городок с фантастически прекрасным видом на отроги Шварцвальда, полями и лугами весенних нарциссов и крокусов, цветущими магнолиями и камелиями. Она приехала в этот город в апреле. И квартиру ей сразу хорошую снять удалось, правда, под самой крышей, зато с потрясающим видом на знаменитый Старый замок, визитную карточку этого города. И воздух здесь был прозрачный и чистый, и в магазинах было так всего много, просто немыслимое, наверное, даже избыточное изобилие. И она постепенно успокоилась и стала отдыхать от своей прежней суетной жизни, и чувствовала, что ей физически хорошо, как никогда.

Но если бы кто-нибудь на свете знал, как тосковала она по прежней сумасшедшей своей жизни, и все думала и думала о своих пациентах, как они там без нее, как нехорошо, что она их, по сути, бросила. И многие из них часто снились ей во сне, а просыпаясь, она иногда потихоньку плакала и точно знала, что очень многое отдала бы за то, чтобы опять войти в свой кабинет и пригласить на прием первого пациента. Но сделать она этого уже не могла.

А табличку с ее регалиями не снимали с ее кабинета целых два года: все ждали ее возвращения...

Александр Ралот

Краснодар

До 90-х – сотрудник Министерства хлебопродуктов. В 90-е (начало) – представитель комбината. В 90-е (конец) – представитель издательства. После 90-х – сотрудник международной компании.

Гарфильд и другие события

Так уж получилось, что теперь уже в далеком 1998 году я фактически стал безработным.

Наверное, многие помнят, что именно в тот год в нашей стране, несмотря на все увещевания «глубоко уважаемого» президента случился «дефолт», слово для нас совершенно непонятное, но весьма осязаемое. В силу полученной мною специальности и выбранной профессии в те годы занимался я оптовой поставкой зерна на самый что ни есть Дальний Восток. И вот согласно этому самому «дефолту» возросшие транспортные расходы сделали поставки абсолютно бессмысленными. Следовательно, меня и моих коллег – абсолютно безденежными. Двоим моим малым деткам объяснить отсутствие на старинном комодике традиционной шоколадки «Аленка» еще как-то можно, но вот отсутствие на обеденном столе их любимой каши с молоком – дело практически невозможное. Кроме того, в силу своего возраста они слово «дефолт» еще не выговаривали, а раз его нельзя выговорить, то значит, и говорить не о чем!

Все понимающая супруга занялась полной инвентаризацией наших съестных припасов, а я стал рыться в недрах бездонной Всемирной паутины.

«Требуется распространитель периодической печатной продукции для крупного столичного издательского дома. Оплата сдельная» – громко прочел я, надеясь, что услышу от своей благоверной одобрительный возглас.

В самом-то деле. Закупать огромные партии зерна и отправлять их на мельницы бог знает куда у меня получается, а уж распространять какие-то там газеты и журналы, наверное, не труднее будет. Короче, отправил я в столицу свое резюме, и почти мгновенно пришел от них «полный одобрямс». Наверное, желающих занять такое «хлебное» место было не очень-то много. А дальше-то чего. Получил я на вокзале с проходящего поезда несколько китайских полосатых сумок с газетами, бланки накладных, и все. Иди, торгуй, предлагай. Взял в руки одну газету – специальная – компьютерная. Стал читать. Осилил две страницы, иногда встречались даже знакомые слова, правда, в основном глаголы. Отложил сию печатную продукцию в сторону и уже собирался лечь на свой любимый диван с чувством исполненного долга. Но подрастающее поколение с перемазанными мордашками (значит, мама откопала что-то съестное в наших «авгиевых конюшнях») решительно потянули меня в сторону улицы. Уверая на своем детском языке, что для них наступил «потехи час».

Мои потомки носились сломя голову по парку, а я занимался аутотренингом. Пойду по компьютерным салонам, по радиорынку, по заводам всяким – буду эту газету предлагать, киоскерам буду предлагать, на почту пойду. Куда угодно пойду, но мордашки моих детей должны быть чумазыми и главное – сытыми! По всей видимости, Господь услышал мои мысли, и дело пошло, мало того, хорошо пошло, можно сказать, успешно пошло. У нас в городе про эту газету еще никто и слыхом не слыхивал, а Интернет еще не стал тем, чем он является сейчас. Дальше больше, за компьютерной газетой последовали журналы для врачей и для автолюбителей. Еженедельные и ежемесячные. И наконец, дорогое наше издательство сподобилось на выпуск детского издания. Красочного, яркого, я бы даже сказал – толкового.

Руководство предполагало сделать журнал флагманом всей издаваемой линейки. Правда, и конкурентов на детском журнальном рынке было у него немало. Так что ты, дорогой наш представитель в регионе, давай уж расстарайся, обеспечь нам соответствующую нишу.

И я старался. Бегал по школам и библиотекам, я уже не говорю про почты, детские поликлиники и парикмахерские. Но толку было мало. Новая продукция, она и есть новая. Покупатель должен попробовать ее на зуб, примерить, привыкнуть и только потом – возможно – полюбить!

Возвращаюсь как-то поздно вечером, волочу высунутый язык на плече от усталости.

Экран монитора мигает символом очередного письма – начальствующего циркуляра.

«Вам надлежит поехать на побережье, по детским санаториям, домам отдыха и лагерям. Там в большом количестве сконцентрирован наш потенциальный покупатель! Отправляем вам очередную партию товара и Гарфильда. Обеспечьте своевременный прием!»

В уставшей голове роились мысли.

«Встать утром, мчаться в аэропорт, потом еще сто семьдесят километров по забитой дороге на море. Да еще и не одному, а с каким-то Гарфильдом. Черти его несут на мою голову. Не было печали».

И терпение мое лопнуло.

Пальцы сами собой, независимо от моего мозга забарабанили по клавишам – ответ.

«Груз получу, проблем нет. Все оговоренные точки на побережье будут полностью мною окучены. Но вот этого еврея прошу ко мне не командировать, справлюсь сам – без помощников. Ваш региональный представитель...»

Все, спать. Надеюсь, они меня там, в Москве поймут.

Нет, меня не поняли, совсем не поняли.

Утром компьютер выдал ответ.

«Региональный представитель, сообщаю вам, что Гарфилд – это кот. А именно герой одноименного комикса. (Желательно, чтобы вы впредь хотя бы изредка читали журналы, которые имеете честь распространять!) Вам отгружен костюм Гарфильда в полный рост. Именно в нем вы будете раздавать детские журналы во всех оговоренных точках!»

Я оторвал взгляд от монитора. За спиной стояли уже одетые для похода в парк мои милые малыши. Они смотрели на меня и молчали. Ради этих дорогих мордашек я буду котом Гарфильдом, чего бы мне это ни стоило!

Игорь Ключев

Москва

До 90-х – инженер, в 90-е – инструктор по теннису, после 90-х – работа в интернет-сфере.

Записки челнока

1992 год. Курс доллара, начав со скромной высоты 30 рублей за доллар, быстро преодолел высоту 500 рублей к концу года, но скоро выяснилось, что это только начало рекордного взлета. Институтские заказчики работ, значительная часть которых оказалась после Беловежской Пущи на территории независимых государств, перестали перечислять деньги. Сам же институт по примеру Союза развалился на несколько фирм с независимыми счетами. Наш отдел оказался слишком научным, чтобы частники стали перечислять ему деньги. Мы стали числиться сотрудниками без зарплаты со свободным графиком посещения. Все стало с ног на голову. 25-летний стаж работы, который еще недавно был пропуском без очереди к профкомовскому распределителю, где выдавались квартиры, машины, дачные участки, дефицитные путевки в санатории, оказался обузой – труднее переучиться на то, за что могли заплатить деньги в условиях рыночной экономики.

1993 год. И поехали... В Турцию за товаром. Конечно, не все. Лауреаты с 25-летним стажем раздумывали. Заграничный паспорт оформлялся за три дня и без всяких анкет. Начальный капитал – 300 долларов, но в 93-м это было богатство. Где взять? В институте, в самом центре, между корпусами рядом с цементной скульптурой, изображающей женщину, держащую в руках нечто среднее между моделью первого спутника и ядром расщепленного атома, образовался клуб-обменник, где бывалые мешочники/челночники делились опытом и могли даже дать в долг капиталистические денежные знаки. Статья УК о спекуляции валютой еще не была отменена. Но кто в 93-м обращал внимание на законы. Революция. Свобода. Даже телепрограмма Невзорова «600 секунд» не очень пугала. Наконец паспорт получен, деньги взяты в долг, лишняя сотня долларов, превышающая разрешенную к вывозу сумму, зашита в трусы. Готовы ехать в Стамбул, на Восток, но для нас, бывших «невъездных», это сладкая неведомая граница. Для нас это был Запад.

Где-то там, высоко над Киевским вокзалом, проносились спутники, а инженеры, причастные к их созданию, уже в ранге челночников попивали чаек в вагоне поезда, который двигался, если смотреть оттуда, сверху, по большой дуге, все больше отклоняясь на юг. Через Украину в Румынию, потом в Болгарию. В Болгарии пересадка на автобусы, и оттуда прямо на Восток – в Стамбул. При подъезде к границе с Румынией разговор в вагоне только о том, что стоит ли перепрыгивать лишние сто, а у некоторых и двести долларов из интимных мест на теле в укромные места в вагоне. Например, в плафон купейной лампы или полые держатели на стенах. Наконец поезд остановился, и по вагону пополз шепот – таможня идет. В вагон неторопливо вошла полноватая женщина средних лет, представитель украинской таможни в форме таможенной службы Советского Союза, и, приятно улыбнувшись, сказала: «Кто запрягал деньги в ботинки, доставайте». Потом, найдя взглядом два побледневших лица, добавила строго, уже обращаясь только к ним: «Вы и вы».

И вот поезд пополз к мосту через речку мимо рассыпающейся, потемневшей избушки, похожей на сгорбленную старушку. Мост – это граница, и сразу за ним белые блочные пятиэтажки румынского городка и дети в цветастых шапочках. Свершилось – и в каждой следующей анкете в графе «был ли ты за границей» мы могли с гордостью писать «Да».

В Болгарии пересели на автобусы. Долго поднимались и потом спускались по серпантину дороги, преодолевая перевал. Где-то недалеко гора Шипка, место русского подвига и славы, а нас, не убоившихся позорного звания мешочников, водитель-турок катит мимо, в Турцию. Март. Деревья без листьев, и от этого поросшие лесом горы перевала выглядят, как головы с поредевшей шевелюрой. После перевала дорога прямо стрелой в Стамбул. Через два часа пути из дороги вырывается одна из полос и под прямым углом уносится вправо. Там Греция. Там Парфенон, статуи олимпийских богов. Но наш путь только прямо, в Стамбул. За джинсами,

кожаными куртками, махровыми халатами и яркими цветастыми пластиковыми мусорными ведрами, которые в Москве уходили сразу с двойным «отбоем» – мечта любого челночника.

Ночь. Аморфная темень справа, слева, сзади, и только спереди фары автобуса нащупывают твердую дорогу. И вдруг, как это бывает в длинных коридорах коммуналок, когда свет пробивается из-под двери туалета, полоска света в направлении нашего движения. По мере нашего приближения она расширяется, становится заревом и наконец, выплескиваются, как праздничная иллюминация, залитые светом витрины магазинов. Нет, это не был Стамбул, а всего лишь мелкий городишко, выпрыгнувший из темноты на нашем пути, но все, с десятков магазинов на центральной улице были готовы торговать в два часа ночи. Какой контраст с Москвой 93-го года, тогда еще тускло освещенной и сонной в ночное время.

Рассвело. Вокруг низкие каменистые холмики без всякой растительности во все стороны, до горизонта. После нескольких часов неменяющегося пейзажа впереди показался холм большего размера, который по мере приближения стал превращаться в нагромождение домов. Нагромождение домов разбилось на улицы, заполненные плотной толпой. Вот и Стамбул.

Что покупать? Где покупать? По группе пронеслось – нужно покупать прямо с фабрик, чтобы купить дешевле, чем в магазине. Бывалые челночники тем временем исчезли по своим, известным только им адресам. Мы, новички, в растерянности остались на улице. Постепенно нас стали плотным кольцом окружать мальчишки – уличные торговцы. Вооруженные сияющими, как с фотовыставки, улыбками, предлагали купить пачку из пяти носков за один доллар. Но их дружелюбность обманчива. Неопытные челночницы, которые по привычке носили деньги в сумочках, попадали в группу риска. Были случаи, когда их окружала ватага таких вот улыбчивых ребят. Один выхватывал сумочку, другой бросался под ноги преследователей, и все врассыпную в узкие кривые улочки. Языкового барьера не было – все турки, вовлеченные в торговлю с нами, знали несколько слов, необходимых для обмена денег на товар по-русски. Скоро начали находиться фабрики. Как оказалось, фабрики – это двух-, трехкомнатные квартиры в обычном жилом доме.

В одной комнате турок торговался о цене. Чтобы выманить у нас побольше долларов, угощал чаем в маленьких прозрачных стаканчиках. В других комнатах в это время турчанки отстрачивали продукцию. Почти на всей продукции красовалась этикетка – «Made in Italy». Через два дня деньги потрачены. Товар, упакованный в тюки, выносятся и укладываются горой на тротуар перед гостиницей. Подъезжает наш автобус. Новички в шоке – размеры горы товара очевидным образом превышают размеры автобуса. Через пару часов подгоняют еще один автобус. Начинается коллективная загрузка тюков. Задняя дверь закрывается, весь товар заносится через переднюю дверь. Если получится, то останутся и для нас сидячие места. Не получилось. Поедем, лежа на тюках – так тоже комфортнее, если только под тобой не окажется тюк с пластиковыми ведрами. Поездка в Турцию семидневная, и к концу пятого дня – отъезд из Стамбула, все новички уже становятся закаленными челноками. Это же Константинополь. Мы чувствовали себя рыцарями, возвращающимися из крестового похода, – бесстрашными и непобедимыми.

В три часа ночи добрались до турецкой границы. Встали толпой у автобуса. Таможенник в отглаженном кителе, аристократично попивая чаек из прозрачного стаканчика, стал безразлично поглядывать на наши небритые физиономии бывших лауреатов и кандидатов режимных наук. Пополз слух – таможенный досмотр, а это значит, полная выгрузка и потом снова загрузка автобуса. Что делать, пока ждем? Начали играть в футбол пустой консервной банкой. Разогрелись. Таможенник, забыв про чай, смотрел на нас с открытым ртом, и чай холодел в его стаканчике. Ура! Досмотр отменили. Четыре утра. На болгарской стороне, в харчевне, открытой для челночников, пили водку, закусывая горячим сочным мясом. Здорово.

Наш перегруженный автобус медленно ползет по серпантину к верхней точке перевала. Лежа на тюках под крышей автобуса, хорошо видишь заснеженный край дороги. Автобус чуть

покачивается, как трос под канатоходцем. Последние триста-четыре метра до верхней точки слышно, как надывается двигатель на первой передаче, все, переползли.

В Болгарии перегрузка на мелкой железнодорожной станции, от которой два часа – поездом до Софии. Поезда, проходящие к Софии и обратно, делают 10-минутную остановку, достаточную для немногочисленных болгар, следующих в столицу и обратно с парой чемоданов. То, что станция стала перевалочным пунктом для челноков, расписание не учитывает, и мы имеем только 10 минут на перегрузку из автобуса мешков. Но в реальности поезд стоит на станции часами, до полной перегрузки товара. Этот феномен объясняется тем, что руководство станции было по совместительству владельцами туристических агентств. Туристические агентства в Москве собирали челночников и везли до этой станции в Болгарии, а автобус до Стамбула и обратно организовывали уже болгары. Поэтому мы были на станции не только пассажиры, но и клиенты.

Погрузка затягивается. Дополнительных вагонов не будет, и со всем товаром нужно утрамбовываться в единственный, который есть. Наконец, облегчение – весь товар в вагоне. Поезд трогается. Руководительница группы ползет по мешкам и по нам к купе проводников, чтобы отдать лист с именами пассажиров, так как поезд международный и будет пересекать границу. Последний вызов – до болгарской границы, а это два часа езды, нужно все мешки убрать по купе из вагонного коридора. Болгарские таможенники очень интеллигентны – никаких угроз таможенного досмотра, но коридор должен быть свободен от мешков. Мешки в купе выкладываются слоями, образуя ровную плоскость-постель для четырех человек, на челночном называемую «сексодром». Слои мешков поднимаются все выше и выше. Наконец, последний мешок уложен, все без сил, впереди Москва.

Петр Муратов

Новосибирск

До 90-х – научный сотрудник НИИ, кандидат биологических наук, в 90-е – «торгаш» (хотя продолжал числиться в штате НИИ до 2004 года), после 90-х – заместитель директора компании «Экологическая техника».

И сладок мне мой горький, мой, патриота, хлеб...

На момент прихода в нашу страну эпохи рынка я еще полноценно трудился в науке, связывая с ней, родимой, свое будущее. Рынком грезили, его идеализировали, считая панацеей от всех бед в экономике. Однако пришел черед «рыночных реформ», увертюрой которых стала «шоковая терапия», и иллюзии быстро испарились. Рынок широко «улыбнулся», и все сразу увидели его «зубки». Как говорится, «за что боролись...»

Однако я еще не до конца понимал, что, по Булгакову, Аннушка уже «разлила масло» на рельсах истории, и судьба моего НИИ молекулярной биологии предрешена. Накануне мною было проведено испытание новой вакцины, шла обработка результатов. Ставшие хроническими задержки зарплат воспринимались философски. Все ожидали: вот-вот что-то наладится. А как иначе?! Ведь мы, наивные горячие сторонники молодой российской демократии, совсем недавно перевернули страницу «мрачного тоталитарного прошлого». И впереди только светлое будущее с неминуемым торжеством саморегулирующегося рынка и демократических ценностей! Но время шло, а ситуация и не думала улучшаться.

Идею торговать книгами мне с моим товарищем Женей подбросил сотрудник нашего института Валера, разоткровенничавшись однажды за кружкой пива. Его родители жили в селе неподалеку от Новосибирска. Перед тем как навестить родителей, он прикупал книжек на оптовой ярмарке и, наценив вдвое, перепродавал их в правлении колхоза. Валера даже договорился с односельчанкой, и уже она торговала его книжками за малую долю. Вскоре его доход от книготорговли превысил институтскую зарплату.

Мысль показалась интересной. Мы с Женей поехали на ярмарку – она занимала здание Дома культуры, начинавшего крениться набок, авиазавода имени Чкалова и примыкавшую к нему площадь. Купленные книги уместились в чемоданчике. Брали, руководствуясь интуицией, и на первый раз она нас почти не подвела. Торговый дебют состоялся в деревне Новопичугово: мы сочли знаковым тот факт, что она стояла рядом с местом окончательного разгрома сибирского хана Кучума отрядами Ермака. В институте на тот день взяли по отгулу.

И пошло-поехало. Сперва, изъездив округу, торговали сами со столиков. Со временем обзавелись мелкими оптовиками на местах, а также сдавали книжки на реализацию в книготорги по области. Превратились фактически в посредников, сами уже не торговали: притомляла местная шпана, косившая под рэкет.

Тем временем в нашем институте начался «великий исход»: научный люд повалил за границу, в основном в Штаты. Первым, еще в начале 91-го, отбыл начальник моей лаборатории. И.о. начлаба стал мой одноклассник Игорь Дмитриев. На оформление отгулов мы с Женей и вовсе махнули рукой – просто не выходили на работу, и все. В институте наше отсутствие замечали. Однако Игорь имел то же «звание», что и я, а потому субординация была весьма условной. Небольшой откат и вовсе снял все вопросы по поводу моего отсутствия. Кое-кто в отделе недовольно бухтел, но я не брал это в голову. Научные темы финансировались все хуже и хуже, ближайшие перспективы НИИ окутаны туманом, основная забота большинства пилигримов от науки – как можно быстрее свалить за рубеж. Каждый выживал как мог. На дворе стоял 1992-й – первый год «шоковой терапии».

Но вот возникла проблема: нераспроданный товар, или, в просторечии, «висяк», который, согласно договору, возвращали наши оптовые клиенты. «Висяк» стал скапливаться в угрожающих количествах. Куда его девать? Ответ напрашивался один: распродать на чкаловской ярмарке, ибо там раскупалось все. Попутно можно было попробовать перепродать только что купленное тут же, на ярмарке. А что? Интересная идея, хотя и спекуляция в чистом виде.

Но я все мучился «интеллигентскими» комплексами, ведь меня, кандидата наук, могли увидеть сотрудники нашего института в амплуа, столь презираемом ученым людом. Мы с

Женей не афишировали род своей новой деятельности, хотя некоторые о чем-то догадывались, торговали далеко от города. Дмитриеву, получавшему откат, трепать языком было незачем. А тут никуда не денешься: вот он – торгош, барыга! «Ученый» называется! Тьфу!

Однажды на меня на ярмарке нарвался один наш сотрудник. Минут пять он с презрительной улыбкой наблюдал, как я торгую, а потом горестно изрек: «Охо-хо, и это – кандидат наук!» Я смущенно замаялся. Выручила моя супруга, торговавшая рядом. Чувствуя мое смущение, она быстро с ним «разобралась»: «Так, что берем? Ничего? Тогда чего пялимся? Быстренько проходим мимо, не задерживаемся!» Впоследствии, не раз оказываясь в подобной ситуации, я, как выражается наш президент, больше «сопли не жевал». Мгновенно надевал бравую хамоватую ухмылочку: да, а вы разве не знали? А вот так вот! Иногда даже пытался их немного позлить, изрекая: «Стране миллион честных предпринимателей нужнее миллиона статистов от науки!» Ведь еще совсем недавно советская идеология гордилась тем, что треть всех научных сотрудников мира насчитывалась в стране «победившего пролетариата». Впрочем, на бесспорности своего утверждения относительно «нужности» не настаиваю.

Тем временем «исход науки» продолжался. Отъезжали целыми семьями вместе со своими умненькими детишками. Мы с Женей как-то насчитали более пятидесяти «слинявших за бугор» семей, которых лично знали. Большинство сотрудников моей лаборатории свалили, в том числе и Дмитриев. Признаюсь, я тоже мучительно решал – ехать не ехать, ехать не ехать... Умом понимал – вроде бы надо, но сердце решительно сопротивлялось.

Помню, как все мы, оставшиеся, с волнением ожидали приезда первых отпускников-эмигрантов – ну, как там, как, как, как?! Приехали – один, другой, третий... Лоснящиеся мордашки почти у всех округлились, а в высокомерных взглядах читался один вопрос: «ну, че, вы все еще здесь?» Нет, многие из них вели себя вполне тактично, но кое-кто просто захлебывался слюнями, даваясь байками про заморские «чудеса». Иногда их пороссячий восторг выглядел настолько неестественно, что закрадывалось сомнение: а не самоутверждаются ли ребята за мой счет? Казалось, все свое высокомерие и снобизм «слинявшие», за неимением другой «аудитории», решили излить на нас, своих вчерашних коллег, оставшихся на Родине. И чем менее успешны они были «там», тем больше, по закону компенсации, они пытались «отыграться» на нас здесь. Одна особа договорилась до почти расистского утверждения: «Все делятся на две группы – тех, кто еще не уехал, и на тех, кто не сможет уехать никогда!» Вторая группа, по ее логике, состояла сплошь из представителей «нижней расы». Подобные слова жалили очень больно, ведь крыть в ответ нам тогда было абсолютно нечем... А когда я пытался что-то вякать про любовь к Родине, кое-кто из представителей «высшей расы» смеялся мне в глаза.

Первыми из нашего института уехали «маячки» – ученые, в полном смысле слова. Я подумал, что, наверное, это оправданно, ведь их квалификация дорогого стоила, ее необходимо было сохранить. Потом пошел «второй эшелон» – те, кто послабее: цепная реакция, «массовый психоз», полагал я. Но когда поехал «третий эшелон», захотелось крикнуть, мол, вы-то какие, к черту, «ученые»? И я понял: «крысы бегут с корабля». Хотя многие из «третьих» вполне могли бы попробовать реализовать свои способности в других сферах дома: предприимчивых, оборотистых ребят среди них хватало.

Тему отъезда для меня на веки вечные закрыл в 1996 году мой бывший шеф, за что я ему крайне признателен. Он был существенно старше меня, на порядок более авторитетен как ученый и, проживая за океаном к моменту нашего с ним разговора уже несколько лет, преуспел там, пожалуй, больше всех из знакомых мне пилигримов. Выпендриваться передо мной ему было незачем, поэтому я, немного страшись ответа, откровенно спросил:

– Скажи честно, надо уезжать?

Шеф отвернулся и минуту смотрел в форточку – я терпеливо ждал.

– Знаешь, если ты здесь не бедствуешь и относительно комфортно себя ощущаешь, я бы не советовал. Запомни, что бы ни пели тут наши, почти все они там – старшие лаборанты, а никакие не ученые. Я многих из них держу в поле зрения. По крайней мере, на различных конференциях и симпозиумах регулярно вижу лишь нескольких из них.

А последняя его фраза и вовсе поставила жирную точку в этом вопросе:

– Первое время, и довольно долго, было предельно тяжело, хоть удавись...

М-да... И добро бы все они, «новообращенные», там, за бугром, были счастливы. Ну, не бедствуют, конечно, получая свою ренту с богатства стран, не ими созданного, трудятся в меру сил на ненавистного американского «дядю», одновременно боясь и лебезя перед своими боссами. Как пел когда-то Окуджава: «И горек мне мой сладкий, мой эмигрантский хлеб...»

Помню, сидели как-то у меня дома с одним из моих бывших коллег (он приехал из Штатов в отпуск). Пили водочку под соленые грузди и помидорчики, пели под гитару кээспэшные песни. Спрашиваю: «Знаешь, чем отличается исполнение этих песен здесь и там? Здесь я их пою, а там бы их скулил». «Бывший» ничего не ответил, только вздохнул.

Я, конечно, не имею права осуждать всех уехавших, да и альтернатива их отъезду, которую сам же описываю, не мед. Перефразируя Окуджаву, можно сказать: «И сладок мне мой горький, мой, патриота, хлеб...»

Сегодня я могу достаточно объективно сравнивать два огромных сообщества людей: бизнеса и науки. Быстро соображающих, комбинирующих, стратегически и тактически мыслящих игроков среди бизнесменов больше, ведь в бизнесе, особенно крупном, без этого не выжить. Но интеллектуальный уровень у научных сотрудников выше. Впрочем, не берусь угадать, сборная какого из этих сообществ победит, к примеру, в двустороннем шахматном турнире. В бизнесе полно бывших «тружеников науки», но вот способность «чистого» бизнесмена стать ученым крайне сомнительна. И не дай бог, чтоб вновь настали времена, когда кандидаты наук рядами и колоннами шли бы в торгаши.

Роман

Совсем не мирное время

Одно из самых ярких впечатлений связано почему-то с празднованием Нового 1992 года. 1991-й выдался голодным, магазины, мягко говоря, совсем не радовали изобилием. В домашнем холодильнике тогда тоже хоть шаром покати.

Жили мы тогда в городе Пензе, в небольшом, но очень уютном микрорайоне Западная Поляна. Я работал инженером в НИИ «Контрольприбор», здание которого располагалось в пяти минутах ходьбы от дома. Жена преподавала историю в школе, тоже рядом с домом.

Декабрь 91-го выдался очень тяжелым, в магазинах были только килька в томате, морская капуста, макароны и, кажется, уксусная кислота. Естественно, из такого незамысловатого списка продуктов ни одно праздничное блюдо приготовить было нереально. Но выход все же нашли. Отец моей жены работал в автомастерской и вместо денег за ремонт пробитого радиатора для 24-й «Волги» взял с ее владельца засушенные грибы. Их-то мы на Новый год и приготовили. Шампанское тогда достать даже не пытались, вместо него было немного вина, оставшегося с каких-то предыдущих торжеств. Что-то еще удалось достать по талонам.

По традиции, Новый год мы встречали большой семьей: приехали наши родственники со всей области, с других городов. Приехал двоюродный брат из Душанбе, куда его, инженера по радиоэлектронике, распределили после окончания института. И тетка из Нижнего Ломова, работавшая в ту пору на маслодельном заводе. Она помогла с заготовками, а потом решила пройтись по магазинам, вдруг что еще для праздничного стола попадет. Вернулась удивленная: «У вас даже сливочного масла нет?! Да у нас на заводе все холодильные склады им забиты, не знаем куда девать! Как же так?!»

Вот и мы до сих пор себя спрашиваем: «Как же так-то?» Заводы и фабрики работают в привычном режиме, все склады забиты продуктами, а в магазинах – пустые прилавки... Потом, когда в первых числах января отпустили цены, в магазинах внезапно все появилось. Пусть и в десять раз дороже, но зато стало реально купить колбасу разных сортов, рыбу, шампанское. И пресловутое нижнеломовское масло.

Кстати, тот Новый год был последним, который мы встречали все вместе. Дальнейшая жизнь разбросала всех так, что о судьбе некоторых родственников мы даже и не догадываемся. Двоюродный брат со своей женой вернулся из Душанбе в апреле 1992-го, когда там стали серьезно притеснять русское население. В Пензе он пытался открыть свой бизнес, связанный с радиоэлектроникой, ездил челноком в Польшу, но после нескольких встреч с крепкими ребятами в спортивных костюмах, пытавшимися загнать его под свою «крышу», отошел от всего этого, взялся за бутылку. Брат часто любил повторять: «В мирное время». Он имел в виду период до 1991 года, потом мирного времени уже не было.

А летом 1994 года мы с женой и сыном переехали из Пензы в Тюменскую область. После сокращения из НИИ я радикально сменил профиль работы, много лет трудился на буровой установке, добывал нефть. А жена так до сих пор историю и преподает.

С переездом тоже связана одна крайне неприятная история, едва не закончившаяся трагедией. Сын тогда заканчивал третий класс. А учился он не в той школе, где преподавала его мать, а в другой – чуть подальше от дома, но это было его принципиальное условие: не хотел, чтобы мама была его учителем и классным руководителем, почему-то стеснялся, думал, из-за этого к нему будут плохо относиться в коллективе. И вот в последний учебный день перед торжественной линейкой окна школьной аудитории изрешетила автоматная очередь. Дети не на шутку испугались, приехала милиция. Оказалось, две местные группировки что-то не поделили, ну и не придумали ничего умнее, как устроить разборку на пустыре близ школьного дво-

рика. К счастью, никто не пострадал. Просто чудо какое-то: один из учеников только-только закончил отвечать у доски и сел за парту. И сразу же грохнули выстрелы...

Александр Шабанов

Москва

Переводчик (с начала карьеры в 1995 году профессия не менялась).

Обмен

1993 год. У себя в вузе я староста группы. Обязанности почетные и не слишком обременительные... кроме единственного раза в месяц, когда звание приходится отрабатывать по полной – дня выдачи стипендии. Получаю деньги на весь свой микроколлектив и после раздаю каждому, что причитается.

То еще, следует отметить, развлечение... В крошечном помещении перед окошком кассы всегда толпа, старшекурсники норовят пролезть без очереди, знакомый подзывает знакомого, кого-то удастся одернуть, кого-то нет. Но зато когда после часа стояния в духоте и толкотне вываливаешься в коридор, удовлетворенно прячешь честно заработанные деньги в карман, смахиваешь пот со лба и понимаешь, что усилия не пропали зря.

Учебный год заканчивается, позади и жаркая июньская пора экзаменов. Наступают каникулы. Почти все мои одноклассники разъезжаются кто куда прежде очередной положенной выплаты.

– Слушай, – говорят мне, – мы тебе доверяем... Давай, ты за нас стипендию получишь за все лето, а мы в сентябре ее у тебя заберем!

Вообще-то мало какому студенту (и мне в том числе) пришло бы в голову отказываться от денег на все лето. Но основной контингент моего вуза – детки дипломатов и тому подобной публики. Один или двое разве что предпочитают получить деньги сами, но большинство устраивает «оптовый» вариант. Мажоры, что сделаешь... Ладно, пусть будет так.

Однако итоговая сумма выплат на десять – ладно, пусть даже восемь – человек более значительна, чем несколько средних зарплат по стране. Выходя из кассы с парой запечатанных плотных пачек в сумке, чувствую себя значительным, как отделение Госбанка... и ответственным ничуть не менее. Дома старательно прячу «сокровища» среди бесчисленных книжных томов. Пусть спокойненько себе полежат в укромном местечке до самого сентября!

Но не проходит и недели, как небо рушится и с грохотом погребает под собой землю. Объявлен всеобщий обмен денежных купюр.

Вообще-то это мы один раз проходили. Пресловутая «павловская реформа» – кто ее не запомнил?! Каково это: проснуться с утра и из новостей услышать, что все свои накопления, всю имеющуюся наличность ты обязан перевести в новые дензнаки, да притом еще уложиться с этой процедурой не более и не менее как в ТРИ ДНЯ!

Что творилось в отделениях Сбербанка в те зимние дни, 23–25 января 1991 года...

А усугублялся всеобщий шок еще и тем, что по инерции, сохранившейся с конца восьмидесятых, мы еще сохраняли остаток доверия к правительству. Да, полки магазинов стремительно пустеют, зреет политическая напряженность, всеобщая озлобленность растет... Но ведь есть же грань, которую переступить невозможно! Не далее как несколько недель назад – чуть не накануне еще! – выступал по телевизору малосимпатичный толстяк с пороссячим рыльцем, министр финансов, столько обещавший прежде вывести страну на правильный экономический путь, и, глядя прямо в камеру, чуть не честным словом ручался, что никаких неожиданных реформ, никакого обмена денег не будет!

Чтобы потом последовало вот это объявление: в следующие три дня...

За границей, кричали одни из нас тогда, министр, вот так откровенно солгавший народу, немедленно уходит в отставку! Так то за границей, цинично усмехались другие. Но мы же сегодня равняемся на за границу, как же можно, снова вопили первые.

А большинству не было дела до подобной дискуссии вообще. Все были слишком заняты: не только срок обмена был ограничен свыше всякого предела, но требовалось еще и предоставить справку, откуда, из какого источника, появилась у человека подлежащая обмену наличность.

Заявлено было, что обмен старых купюр на новые затеян, чтобы вывести за штат накопления теневых дельцов. Что-де честный труженик свои кровные обменяет спокойно... при наличии соответствующего документа.

Не знаю, как насчет «теневых дельцов» (на эту тему поразмыслите сами), а те, кого я знал, с кем жил рядом и с кем встречался, были в панике.

Помню, домашний телефон раскалялся. Знакомые звонили знакомым в поисках тех, у кого по какой-то причине накопления были меньше предельной суммы, и можно было попросить обменять чьи-то еще деньги. Бегали, собирали справки, стояли в диких очередях в сберкассy, падали в обмороки, дергались, как под действием электротока – и не верили, что все это происходит с ними, в их родной стране, в которой, оказывается, и вот так можно было поступить с людьми.

Помню, несколько месяцев спустя после того, первого обмена случайно открылась какая-то книга с дальней полки, и в ней обнаружились пятьсот рублей, припрятанные когда-то «на черный день». И моя несгибаемая, стальная, железобетонная бабушка плакала, глядя на фиолетовые полусотенные билеты: деньги, которые копила небогатая ее мама, не тратя ничего сверх необходимого, которые могли бы пойти на что-то хорошее или быть так нам полезны в это безвременье, в результате «павловской реформы» превратились в прах, в ненужные цветные бумажки. Не забуду этого дня. Никогда.

Но за два года тогдашний шок как-то сгладился, отступил, отодвинутый на второй план тем, что происходило вокруг. Все прошло... есть ли смысл вспоминать такой негатив?

А смысл-то, оказывается, имелся.

Конечно, какое-то время бродили уже смутные слухи, велись дебаты: мол, покупательная способность рубля падает, а цены бешено растут... как бы с этим быть... вроде бы подготавливаются меры... Но какие меры, что – а главное, когда – будет сделано, понятно, «широкие массы» представления не имели.

И вот оно, грянуло!!!

Скажу совершенно честно: на сей раз шквал окружающих эмоций в основном прокатился мимо меня, потому что моя проблема заслоняла мне чужие. Известие об обмене денег (а главное – о предельных объемах такого обмена, которые, как же без этого, тоже были поставлены!) погрузило меня в леденящий ужас. У меня на руках такая сумма, которая практически перекрывает дозволенную – и я не смею, не имею права просить родных помочь мне с обменом, потому что это лишило бы семью всех имеющихся средств. И в то же время как я буду в сентябре отчитываться перед ребятами за утраченную ими трехмесячную стипендию?!

Я рванул в институт в состоянии безумной надежды и полного отчаяния. Готовый, если мне откажут в обмене, не то голыми руками вырвать решетку в окошке кассы, не то ломиться на прием к ректору, министру, президенту... Но везение меня не оставило: в опустевший каникулярный вуз слетелось немало таких же бедолаг, как и я, и стипендию всей группы замотанная кассирша обменяла мне по ведомости на новые купюры без единого возражения.

Бывали, впрочем, во время этого обмена и забавные эпизоды. Вот такой, например...

Июль 1993-го. Ошалелый, взбудораженный мужчина звонит своему товарищу по работе.

– Ну?! Как быть?! Надо же что-то делать! Мы ж только-только зарплату получили! Как-то что-то надо с деньгами решать!

– А я свои еще в пятницу обменял, – с философской безмятежностью отвечает собеседник. – На колбасу.

Действительно, аккурат перед самым объявлением о «реформе» семейство практически на всю сумму свежеполученных зарплат с большим запасом закупило продуктов на дачу... Посему «светопреставление» встретило, что называется, «с чувством глубокого удовлетворения»: наличных в доме не оставалось буквально ни копейки.

Мы выживали и выжили

Виктория Бочарова

Новгородская область

До 90-х – студентка. В 90-е – учитель русского языка и литературы. После 90-х – учитель русского языка и литературы.

Я и 90-е

История выживания

Никогда не думала, что 90-е годы – плохо и страшно. В это время проходили мои веселые студенческие годы, а после сразу же родилась дочь. Я, деревенская девчонка, училась на филфаке в областном центре, городе Великий Новгород. Родители деньгами помочь особо не могли, давали только на самое необходимое. В принципе, в режиме экономии на месяц растянуть было можно. Да, и это учитывая, что периодически в общежитие отправлялись мешки с картошкой, морковкой, свеклой, тушенкой и прочими деревенскими дарами. Да мы не так сильно и заморачивались на тему «будет ли сегодня ужин». Нет так нет, поедим хлеб с чаем.

Первый момент, который запомнился, – это наш очередной с подружками поход за продуктами на дешевый рынок. В магазин мы ходили реже, так как там было все дороже. Приходим мы со списком продуктов на неделю, где все рассчитано до копейки, и понимаем, что чего-то не понимаем. Везде нас встречают какие-то непонятные и жуткие ценники, нагло ухмыляющиеся нам в лицо. На бутылке растительного масла, издеваясь над покупателями, находится ценник из магазина норковых шуб. Чуть позже добрые люди объяснили нам, в чем дело, обозвав все это безобразие каким-то непонятным, и от этого тревожным словом. Но мы все-таки не ушли пустыми. На недельный бюджет удалось приобрести четвертинку черного хлеба, банку просроченной сметаны и рулон подмокшей туалетной бумаги. Правда, последняя была жизненно важна и необходима после употребления второй по счету покупки. Чего мы только не ели в это время! Макароны жареные, макароны вареные, макароны с водой, суп с сухими грибами и тушенкой, борщ из свежей крапивы. Однако это было время и жизненных открытий, время расцвета русского рока, на котором мы все выросли. Особенно любимы были Бутусов и Цой. Их песни знаю наизусть и часто слушаю. Эта любовь к их творчеству и сейчас с нами.

Очень интересные и необычные блюда довелось мне попробовать и у родителей. Маму сократили, совхоз, где работал отец, развалился. Денег не было даже на буханку хлеба. Особенно тяжело было весной, когда старые припасы подьелись, а новые еще не выросли. Из всех имеющихся овощных остатков готовился отличный постный супчик под названием «ботвинья». Если честно, на вкус он был так себе, но, когда проголодаешься, очень даже и ничего. А еще, в отличие от концлагерного рациона, у нас был хлеб. Ржаная мука перемешивалась с отрубями, и из этой чудо-муки выпекался очень хрустящий чудо-хлеб с аппетитной корочкой. Очень вкусный, кстати. А уж когда зачерствеет... Запросто можно этим ломтем и человека убить. Летом было легче: появлялась зелень, грибы, ягоды. Это все можно было продать городским дачникам и на эти деньги уже что-то купить. До сих пор помню счастье, когда первый раз попробовала модный «Сникерс». На вкус, конечно, гадость еще та, но обертка несколько лет висела над моей кроватью как заморская и редкая картина.

Конечно, хотелось модно и красиво одеваться, иметь хорошую косметику, но... «голь на выдумки хитра». Лак для волос прекрасно заменяла сладкая вода, духи – разведенный старый одеколон, а пудру – чуть-чуть детской присыпки младшего брата.

Также 90-е годы научили меня умению не падать духом в любых жизненных обстоятельствах. Так сложилось, что после окончания университета я осталась с маленькой дочерью на руках. Ее отец благополучно самоустранился по причине улучшения собственной жизни. В августе девочке исполнился годик, а в сентябре я вышла на работу в дальнюю школу. Это было единственное место в районе, где требовался учитель русского языка.

Поселок, он же маленькая и глухая железнодорожная станция, находился в сорока километрах от районного центра. Нам дали жилье, маленькую холодную квартирку с двумя печками. Кстати, теперь я просто убеждена, что тот, кто не перезимовал в подобной квартире, не может считать себя опытным и продвинутым советчиком по экстремальным ситуациям. За

водой нужно было ходить на колонку, путь до нее составлял метров триста. Доходишь зимой с двумя ведрами по нерасчищенной дороге, а воды нет – замерзла или, как вариант, отключена. А хочется горячего чая попить, поэтому на горячей плите топится в кастрюльке снег. Но это так, к слову.

Прошел сентябрь, октябрь, ноябрь, наступил и декабрь. А зарплату нам, учителям, не выплатили за это время ни разу. Только пару раз давали какие-то копеечки, наверное, для того, чтобы хоть как-то таскали в школу ноги. Как я выживала? Дочь кормили в садике и, спасибо им большое, пока не сильно доставали с требованием оплаты, понимая, что не с чего пока одинокой маме заплатить. Я обедала супчиком или кашей в школе. А вечером мы ужинали кашей с молоком. Спасибо милой женщине Свете, которую я буду помнить всегда, за то, что раз в два дня она давала нам литр молока. Почти полгода, просто так, так как заплатить за все это я смогла только в январе. Это молоко в то время сильно нас выручало, только оно спасало от урчания в животе.

Поэтому в то время мои мысли, естественно, были заняты вопросом: где и как заработать денег? Я остановилась на мысли, что выращу много-много моркови и осенью сдам ее в заготовконтору. Почему именно морковь? Просто она была на тот момент дороже, чем картофель и свекла. Мне выделили двенадцать соток, и вся эта площадь была засеяна самыми недорогими семенами «Морковь “Лосиноостровская”» из черно-белых пакетиков. Сколько же физических сил было потрачено на этот участок! Не успевал пропалываться последний кусочек, как уже снова зарастал первый! Борьба с сорняками велась весь июнь и июль, в августе, обессилев, я просто решила: что вырастет, то вырастет. И вот пришло время сбора урожая...

Такой моркови я не видела никогда... Это были какие-то огромные монстры, а не привычные морковки. Что их заставило уродиться такими без единой крошки удобрения – загадка. Почти неделю морковью наполнялись все новые и новые мешки. Мешки с морковью были на веранде, в коридоре, в сарае – везде, где было свободное место. Заработок этот, конечно, был очень нелегким, но в тот момент оказался супернеобходимым. На вырученные деньги я приобрела маленький холодильник, о котором давно мечтала, а также красивую зимнюю шубку и мягкие валенки дочке. На этой положительной ноте закончилась моя первая предпринимательская деятельность.

Опять же хочу заметить, что все эти жизненные трудности не казались непреодолимыми, возможно, в силу молодости. Все воспринималось как-то естественно. Мы (молодежь 90-х) искали свои пути и дороги и не совсем понимали, где они и насколько они правильны. Все ориентиры, которыми жили наши родители, рассыпались, но не это угнетало, к ним-то мы как раз не успели привыкнуть. Пугало то, что никто не знал, куда идти дальше, все перевернулось с ног на голову, и уже было совсем непонятно, что хорошо, а что плохо. Поэтому, надо признаться, ошибок мое поколение натворило гораздо больше, чем совершило полезных и добрых дел.

Лариса Попова

Москва

Шел август 91-го года

Москва. Шел август 91-го года. Я тогда работала воспитателем в детском саду. А сад наш находился на улице Панферова, которая расположена перпендикулярно Ленинскому проспекту. Обычно детей забирают в 18 часов, начале седьмого вечера. А тут за некоторыми детьми родители припозднились. Мобильных тогда не было, срочно связаться нельзя. Ждем. Через какое-то время прибегают взволнованные мамы и говорят: «Лариса Анатольевна, извините за опоздание, Ленинский не могли перейти, танки идут и идут, видно, с Кантемировской дивизии». Это был августовский путч.

А потом я помню голодное время: карты москвича, талоны на сахар, водку, табачные изделия, стиральные порошки.

К нам в детский сад привезли гуманитарную помощь – бананы. Распределяли так: каждому ребенку по пять бананов в шкафчики клали. Родители были рады такому подарку. В магазинах кефир и молоко стали дефицитом. Купить можно было только утром, вечером уже ничего не купишь.

Моя школьная подруга, которая жила в Ленинграде, написала в письме, что в городе не может купить хозяйственного мыла. Я ей на почту пошла посылку отправлять с хозяйственным мылом. Люди, которые в это время находились на почте, удивлялись: «Это до чего дошло, в Ленинграде уже и мыла не купишь!»

Марина Алексеева

Нижний Новгород

В 90-е годы «служила» с мужем на Дальнем Востоке. В 2000 году – начальник отдела на производстве. С 2007 года – учитель начальных классов. Мама троих детей.

Жена декабриста

Наш народ пережил 90-е годы, по сравнению с которыми нынешнее время – это время рога изобилия! Живучесть, выживаемость наших людей достойна только самых высоких похвал!

В 1994 году, в июле, я вместе с мужем, военным моряком, отправилась покорять Тихоокеанское побережье, в славный город Владивосток. Муж только что окончил военное училище в Нижнем Новгороде, факультет ВМФ, и по распределению попал на Дальний Восток.

Первую неделю по прибытии во Владивосток мы жили в гостинице, недалеко от Морского вокзала. А потом у нас закончились деньги, и мы решили предстать «пред очи» командования Тихоокеанского флота с нижайшей просьбой выделить нам какое-то жилье. Командование показало нам «дулю», развело руками, мол, «служебного жилья нет, и в ближайшем будущем не предвидится». И поселились мы на госпитальном судне «Обь», в одной из кают.

Наступил август, во Владивостоке температура воздуха была 30 градусов плюс высокая влажность. Ощущалось, будто на улице все 50 градусов жары, а не 30. Я ожидала своего первенца, страдая токсикозом, плохой переносимостью жары и прочими «прелестями» своего состояния. Помывочная на судне находилась в самом конце, в матросской душевой. Чтобы попасть туда, нужно было выстоять очередь. Приблизительно к часу ночи, отстояв очередь в душ, наскоро помывшись, добредаешь до своей каюты и падаешь в кровать. А ночью в нашей каюте разгуливали крысы, огромными полчищами совершая набег на еду, оставшуюся от ужина. Они прыгали по нашим подушкам, по одеялу, стучали коготками по полу и по столу.

Почти через месяц такой «веселой» жизни я взвыла и мы с мужем решили снимать квартиру. После долгих и мучительных поисков мы наконец-то нашли комнату в двухкомнатной квартире на проспекте 100-летия Владивостока, у женщины-казашки, которая показалась нам очень милой и порядочной. Поселились мы на 8-м этаже, лифт не работал, т. к. постоянно не было света. А я беременная. Небольшое лирическое отступление. Кто не знает, во Владивостоке свет и вода были только ночью или по 2 часа утром, днем и вечером. В остальное время не было ни света, ни воды. Ночью нужно было приготовить еду, постирать, все вымыть... Как в одной русской сказке: «Ночью поспрядешь, поткешь, повышиваешь, пошьешь и опять – спи-отдыхай!»

Ну, под утро белье постирать, которое надо – поштопаешь да зашьешь и – спи-отдыхай!»

Практически все деньги мы отдавали за съемное жилье, ели пайковые консервы, крупы, овощи, которые мужу выдавали на судне. Хозяйку нашей съемной квартиры звали Айшолпан – в переводе с казахского языка Шолпан Венера, утренняя звезда. Имя означает – красивая, как Венера. По-русски она звалась Аллочка.

Аллочка рылась у нас в мусорном ведре, выясняла, что мы едим. Дескать, вдруг хорошо питаются, надо бы цену на комнату повесить.

Прожили мы у нее 4 месяца. А в ноябре Аллочка нам заявляет, чтобы мы через неделю съезжали, не объясняя даже причин. Ни просьбы, ни слезы не помогали. Мне через 2 месяца рожать.

Нашли мы себе четвертое место квартирования, улица 40 лет Победы, рядом остановка Школьная. Сдавала родственница сослуживца мужа, Наталья. Вся семья ее сестры умерла, остался 9-летний племянник. Она забрала его к себе, а квартиру сдала нам.

В конце января у меня родился сын Алешка. И начались «веселые» дни: пеленки, кормления... Нет воды и света постоянно. Так прошел месяц. От постоянного недосыпания и недоедания я было похожа на «зомби», с огромными синяками под глазами. Мужу задерживали зарплату, пайковые не выплачивали. Закончились запасы крупы, консервов. Зато мужу периодически выдавали на работе тельняшки, носки, какие-то шарфики. Скопилось их у нас в шкафу

небольшое количество, и я решила их продать и купить еды. У мужа был выходной после дежурства на судне, я оставила месячного Алешку с ним. Надела валенки и рукавицы мужа, намотала бабушкин платок и пошла заниматься бизнесом, как говорили раньше.

На площади Баяева в то время был «китайский» рынок, там торговали разными товарами, привезенными из дружественного нам Китая.

Перед рынком стояли в ряд бабульки с домашними заготовками, с хрусталем, посудой, лекарствами, старой обувью... И я пристроилась со своими тельняшками рядом с бабушкой, которая продавала огурчики. Был февраль, стоял жуткий мороз. Непривычная к долгому стоянию на улице, через полчаса я почти превратилась в сосульку, но мужественно приплясывала и нахваливала свой товар, памятуя о том, что мне нужно добыть денег на еду. Через некоторое время появились трое парней, вальяжно прогуливающих между рядами и собирая «дань». Их еще называли «быки», или рэкетиры. Ходили они всегда по три человека: один впереди, а двое других – сзади, охрана. Подходят ко мне, просят денег, а у меня нет, я еще не наторговала. И тогда первый выхватывает у меня несколько тельняшек, разворачивается и уходит. Я бегу за ним, бью его по голове оставшимися тельняшками, кричу, чтобы отдал. Один из его «охранников» толкнул меня, я упала. Тельняшки «отстоять» не удалось. Размазывая по щекам слезы, как побитая собака, поскуливая, возвращаюсь на свою «торговую точку».

В тот день я все-таки продала все тельняшки. Какая-то женщина пожалела меня и приобрела их оптом, все 5 штук. Сказала, что мужу и сыну, пригодятся зимой. И я купила у рядом стоящих бабулек картошку, немного соленых огурчиков и почти счастливая пошла домой кормить свою семью. Мужу ничего не рассказала про «налет» на рынке, а то бы он меня больше не отпустил.

Периодически я стала ходить на рынок продавать «лишние» полотенца, носки, посуду, чтобы купить еду или что-то из одежды ребенку. Стояла и на улице Школьной, и на площади Баяева. Только получив первый негативный опыт, стала хитрее. Завидев впереди «быков», сворачивала свой товар и отходила в сторону. А когда они уходили, возвращалась на место.

Так пролетело еще 1,5 года нашей кочевой жизни. Мы опять вынуждены были менять жилье, уже в пятый раз. Нашли мы квартиру недалеко от улицы Школьной. Это была 1-комнатная квартира, на 6-м этаже. Дом, в котором находилась наша новая квартира, заслуживает отдельного описания. Это было очень длинное здание из красного кирпича. У нас бы в таком доме было минимум 5 подъездов. А в том доме был один подъезд, посередине. Из каждого коридора выход в квартиры налево и направо. По 7–8 квартир в каждом крыле, как в общезжитии – очень длинный коридор и много квартир. Мы жили в левом крыле, в самом дальнем конце коридора.

И вот в один не совсем прекрасный день на 5-м этаже, под нами, начался пожар. Я дома одна с сыном. Муж уехал на 2 месяца в командировку, в какую-то Чажму, ремонтировать судно. Телефона нет, друзей и знакомых нет, воды и света тоже нет. Хватаю ребенка (ему 1,5 годика) и пытаюсь выскочить в коридор. Там все в дыму, начинаем задыхаться. Как в американском боевике «Выхода нет». Забегаем обратно в квартиру, накидываем на себя одеяла, т. к. на улице зима, и выскакиваем на балкон. Молодцы пожарные, приехали очень быстро и не дали нам замерзнуть или задохнуться.

В этом же доме, на первом этаже, был коммерческий ларек, в котором продавали всякие вкусности: жевательные резинки, конфеты, шоколадки. Эти ларьки еще называли «комок». Денег постоянно нет. Сидим вечером с мужем, хочется вкусенького. Наскребем немного денег, купим шоколад «Альпен голд», с железной клубничной начинкой и весь вечер пьем чай, растягиваем удовольствие. Вот оно, настоящее счастье!

Так что, не верьте никому, кто жалуется на то, что сейчас трудная жизнь!

Людмила Смыкова

Нижний Новгород

До 90-х инженер-проектировщик. В 90-е – в декретном отпуске и одновременно уличный продавец. После 90-х – инженер-проектировщик, далее главный специалист проектного института.

Как я гребла золото лопатой

А я в 90-е умудрилась родить, в 41 год, остаться одна с ребенком, похоронить мать...

93-й год, наша организация в глубоком кризисе, впереди у меня декрет, а женатый отец моего ребенка уже возил товары из Китая, у них торговля шла вовсю, благосостояние росло. Там благополучие, здесь нищета, слухи о некоем женихе, которого мне нашла подруга. В итоге отец ребенка бросил меня.

А я была счастлива ожиданием своего малыша! Отложила денег на черный день, родители – пенсионеры, помощи ждать неоткуда. Нового жениха обмануть не могла, тихонько отодвинула его.

В январе 1994 года у меня родился сын. Во время беременности причуд особых не было, правда, ужасно хотелось манной каши, но манка в магазинах была только для участников войны. По талонам женской консультации давали сахар и творог, а вот манку нет.

Наш губернатор Немцов роженицам комплекты для новорожденных дарил и небольшое пособие. Правда, нас в роддоме было раз-два и обчелся: шестиместная палата заполнялась трое суток! Это крупный роддом в городе-миллионнике!

Дальше пошли будни, сначала терпимо, потом скудно. Сбережения взяла из банка: старенький холодильник не выдержал жары 1994-го. Потом кланялась ему – банк через месяц лопнул, не сломайся холодильник, все равно ни с чем бы осталась. У меня еще был вклад в крупном, любимом населением банке – на полмашины накопила, пригодился – купила аж два килограмма сливочного масла!

Через год перестали платить вовремя пособие, нашла подработку: в подземном переходе стиральный порошок импортный продавала, мне его привозили на дом, накладные, разрешение на уличную торговлю, все чин чинком. Порошок отличный, шел на ура, на ежедневную зарплату хоть еды покупала. Звали они меня постоянно работать в свой магазин, многие мои подруги побросали свои дипломы, и на рынок, а мне жалко стало свою инженерную работу. Два годика сыну исполнилось, и я вышла на полдня. Скоро детсад дадут, жизнь налаживается, но тут слегла мама. Водила по врачам – на одну руку она опирается, за другую сынок цепляется, семенит рядом, томится по очередям.

Добрались до онкодиспансера, оказалось, это конечный пункт. Пока ухаживала за мамой, на надомную работу перешла, даже в больничный коридор чертежи таскала. Ненадолго сестра приехала из другого города, ночевала с сынишкой моим, пока я ночью у мамы дежурила.

Через полгода мамы не стало, сынок стал в садик ходить. Пособие матери-одиночки не получала: моя зарплата превышала прожиточный минимум на 30 рублей. Выжила. Сейчас удивляюсь – как? Немного помогал мой отец (подарки на дни рождения мне и внуку). Но там жадная рука его второй жены руководила: «Люда богатая, ей вон даже детские не положены».

Кстати, детские стали платить, потому что тем, кому зарплату задерживали по три месяца, как мне, несмотря на богатство 30-рублевое, полагалось выплачивать пособие. Только соцзащитная дама мое заявление выбросила со словами: «Вы богатая!»

Помню, с грустью ответила ей: «Лопату только купить не на что». «Какую?» – спросила она. «Да золото грести чтоб было чем!»

Пришлось жаловаться, но год почти так и пропал – заявление-то первое выкинули, словно и не обращалась я.

Выжили, садом немного кормились, грибы, ягоды в лесу. На работе наладилось понемногу, до главного специалиста дослужилась. Домишко в саду недавно достроили, сын вырос, окончил университет. Выжили!!!

Его отец нажил много богатств – огромный коттедж в элитном поселке. Явился через годы, сыну уж лет 18 было. Пока думала, брать ли его, он взял и умер внезапно. На его богатства

нашлись другие наследники, среди них есть и весьма пьющие. Но это, как говорится в одной передаче на НТВ, совсем другая история!

Надежда Ковалева

Вишневогорск, Челябинская область

Работала и до сих пор работает учителем.

Студенческие 90-е

Девяностые годы были для нашей семьи студенческими.

Живем мы в небольшом городке за 150 километров от вузовских городов. Понятно, что наши дети в основном туда и поступали. У нас было две дочери-студентки, с разницей 3 года. Школу окончили с медалью. На наше счастье, обе поступили на бюджетные места в ЮрГУ, в то время это еще было доступно. И жили в общежитии, недорого. Но дед как предвидел: «С двумя студентами без штанов останетесь». Пока училась только первая дочь Лена, мы еще как-то перебивались. Сажали 10 соток картошки, закатывали по 200 банок огурцов, столько же помидор, салатов. Свой сад позволял экономить на продуктах, а свой труд не считается. Сейчас уже не могу поверить, как я успевала за вечер и ночь по 20–30 банок готовить. И ведь все уходило. Каждую неделю мы отправляли с автобусом сумки с продуктами – банки солений, варений, салатов, картошка, овощи, фрукты из сада. И обязательно пирог с картошкой и пирожки. Бывало,ходишь в автобус, а в нем не запах бензина, а пирогами пахнет. Много нас, таких родителей, было. В то время никто багажные отделения не проверял, вот в воскресенье и забивалось это пространство сумками, пакетами для студентов. Водителю, конечно, давали на сигареты, но часто он и не брал ничего. А на автовокзале уже встречали наши детки автобус, разбирали свои сумки, часто неподъемные (с подружками, друзьями приходили), и питались неделю всей комнатой, а часто и друзей подкармливали. Старшая дочь, когда начала работать, варенье лет 10 не ела. Наелась, говорит, за студенческие годы. Утром хлеб с вареньем, если не успели приготовить что-то на обед, то опять хлеб с вареньем. Чай с вареньем, денег-то давали только на самое необходимое.

С одеждой тоже приходилось выкручиваться. Хорошо, хоть девчонки были не избалованы. Да и остальные студенты, похоже, были в основном нашего уровня. Единственное – я всегда дочерей спрашивала: «Вы не хуже других одеты?» Старшая дочь еще в школе научилась шить. В то время в школе в старших классах обучали какой-то специальности, и в нашей школе старшеклассницы учились на швей и даже получали удостоверения, что окончили профтехучилище. Шить ей нравилось, фантазия была, так что нарядами себя обеспечивала.

На зиму купили ей на рынке кроличью шубку, понятно, что китайскую. На вид была приличная. Через месяц все кусочки меха стали рваться, вот и пришлось самим перешивать. Но года на три хватило. Правда, постоянно подшивали.

Осенью дали младшей дочери деньги на зимние сапоги и наказали покупать не на рынке, а в магазине. Еще по старой памяти верили, что уж в магазине товар хорошего качества. Приезжает она домой на выходные в новых сапогах, я дверь в квартиру открыла, встречаю. Она поднимается по лестнице, а за ней черные кусочки остаются на ступеньках. Это подошва рассыпается. Слезы. На другой день уезжать, не отпустишь же ребенка в мороз без теплой обуви. А денег нет, и занять в то время было не у кого. В поселке только пенсионеры более или менее стабильно пенсию получали. Ладно, одна из коллег подрабатывала продажей обуви, дала новые сапоги в долг.

А когда дочь через день пошла в торговый центр с чеком, чтобы вернуть сапоги, этот отдел уже был закрыт, и никто не знал, куда он переехал.

Трудно было, но молодость есть молодость. И сейчас студенческие годы вспоминаются ими как что-то яркое и светлое. Несмотря на то что в жизни все устроилось по-разному, они сохранили дружбу, поддерживают отношения.

Георгий Барабанов

Калининград

До 90-х служба в армии: Германия, Афганистан. В 90-е уволен в запас в звании полковника. После 90-х – военный пенсионер.

Воспоминания полковника

О себе. Я, Барабанов Георгий Николаевич, проживаю в Московском районе города Калининграда, на острове Канта. Пенсионер Министерства обороны. Полковник в отставке. Ветеран боевых действий.

В 1993 году ушел по доброй воле на пенсию. Решил, что боевому офицеру не пристало служить в «потешных войсках». В те годы так было: сегодня не знаю, что будет завтра. По несколько месяцев не платили (в том числе и офицерам, и всем остальным военным). Армию «дооптимизировали» так, что в полку на построении стояла треть рядового состава, треть прапорщиков и треть офицеров. Лейтенанты ходили старшими в наряд по кочегарке, по столовой и т. д. Боевой подготовки не было вообще.

Были порушены семейные узы, забыты традиции, исчезли надежда и вера в будущее. Люди вешались, спивались, сходили с ума. В том числе и в армии. Нечем было кормить детей. Легче застрелиться, чем смотреть в голодные детские глаза! Начал расцветать беспредел. Бандюки делили имущество и сферы влияния. Много людей пропадало.

Купил я на выходное пособие сад (4 сотки) в 10 минутах ходьбы от дома. Бабка Анфиса продала сад потому, что ее дед как-то с вилами остался на ночь караулить грядки в саду. Этими вилами его и закололи. Звереть начали люди! Слева небольшое озеро Круглое, справа – небольшое озеро Длинное. В 4 утра ходил поливать грядки и рыбачил. Ловил плотву, карасей и линей. Вечером с 16 часов все повторялось. Гонял бомжей, которые все на огородах «вычищали», несли сумки к магазинам. Там шел обмен: бабке – сумку, а она бомжу – бутылку дешевой «паленки». Позже такой обмен стал называться иноземным словом «бартер».

* * *

Как-то вечером, в 17 часов, подъехала машина, вышел полноватый, невысокий вальяжный мужчина. Шофер постелил одеяло, поставил бутылку водки, нарезал колбасы и хлебушка. Старшой позвал и меня в компанию. Я не отказался и пропустил одну. Шофер назвался Германом из Казахстана. Мой земляк, так как сам я из Кустаная. Выпили, разговорились:

- Кто такой?
- Пенсионер.
- А почему такой молодой?
- Служил.
- Где служил?
- Сибирь, Германия – дважды, Комсомольск-на-Амуре, Афган, Прибалтика.
- А человека убить можешь?
- Могу. Только мне трудно доказать, что он этого заслуживает.
- Ладно, если будет надо, то найдем (это он Герману).

На этом знакомство и закончилось. Я ушел продолжать рыбалку, а они посидели со своими какими-то разговорами минут тридцать, собрались и уехали. Больше мы не встречались. Потом только до меня дошло, что это была самая настоящая вербовка и я мог стать киллером, если бы к тому времени не имел квартиры и денег на прожитие. А эти мне больше не встречались, у них в те времена жизнь была коротка.

* * *

На рынке пострадал кто-то из мелких милицейских чинов. На халяву он захотел выиграть у наперсточников. Забрали они у него за проигрыш кожаную куртку. Ушел, а через полчаса нагрянул ОМОН. Так разбирались по всему рынку, что пару недель южные хлопцы в городе не маячили. Мораль сей басни – своих не обижай, отомстят!

* * *

В саду жену спрашиваю, что она посадила? Взошла метровая полоска чего-то. Жена говорит: «Выдерни, это мак». «Нельзя, – говорю, – наркоманы сплят яблони в отместку».

Как-то идем мы с ней домой, и у уличной торговки вижу морковь. «Смотри, – говорю жене, – точно как у нас». Дома переоделся и пошел в сад. Грядка моркови пустая. В сердцах я повыдергивал весь мак, бросил все в кучу морковной ботвы и перетоптал. Получилось так, будто это все второпях проделали бомжи. На следующий день на табличке с номером своего садового участка читаю надпись черным маркером: «Кто сюда залезет – труп. Гарик». И еще большая буква «М» написана с одной длинной ногой со стрелкой на конце. Больше с дачи у меня ничего не пропадало, хоть кошелек с деньгами забудь!

* * *

Прибежала из сада жена: «Перекапывала грядку с цветами. Наткнулась на какую-то трубу. Позвала деда-соседа. Он сказал: «Убегай, дочка, это бомба». Пошел я в сад, пару раз копнул грядку – точно, большой снаряд, головой ушедший в землю. Отправил жену в милицию. Вернулась с двумя рядовыми милиционерами. Саперы будут только в понедельник. Милиционеры не поверили, что это снаряд. «Копните еще поглубже». Я показал им заливное отверстие, закрытое плашкой на трех болтах, и следы от нарезов. «Если не верите, то вот вам лопата, после того, как я уйду, минут через пять, можете сами копнуть поглубже». Но почему-то такой вариант им не понравился. Копать не стали, ушли за забор. Вечером я собрался идти домой, милиционеры все ходят за забором. «И сколько вы будете ходить?» – «Хоть до понедельника». Слишком много было охотников выплавить два ведра взрывчатки. Я засыпал и задерновал место, где был снаряд, замкнул калитку, и тогда они ушли домой. В понедельник прибыла группа разминирования. Я к тому времени сам вырыл снаряд, и мы, обвязав его веревками, волоком оттащили до машины. Осталось затащить неподъемную находку на «Урал» с песком. Саперы обвязали носовую и хвостовую части снаряда. Два человека в кузове за веревку и три человека с земли начали его поднимать. И тут лопнула веревка около взрывателя. Если бы мы его приподняли, а веревка лопнула с другой стороны, то разнесло бы и «Урал», и нас всех. Саперам я высказал все, что думал: «Таких безответственных и неподготовленных саперов у меня в полковой роте, а потом и в инженерном батальоне никогда не было. Вы были обязаны проверять свой инструмент тщательно. Благодарите Бога за то, что сегодня он в руководители вам дал пехотного полковника!» Позднее в одном из справочников я нашел информацию о том, что на Кенигсберг было выделено две батареи 302,6 мм гаубиц из резерва верховного главнокомандования. Один из этих «огурцов» (ровно метр длиной) и пролежал у нас в саду 50 лет. Бог и меня хранил – при ремонте забора я не забил ни одного кола кувалдой. Только ямы копал и заливал раствором столбы.

* * *

1993-й или 1994 год. В газете «Калининградская правда» читал статью. Купила женщина на базаре мясо – вырезку. Дома начала разделывать и обнаружила пистолетную пулю. Позвонила в милицию. Забрали на экспертизу. Оказалась человечина... «О дальнейшем расследовании сообщим...» До сих пор тишина.

* * *

1992–1994 годы. Осенью горели в селах запасы сена: по 100–120 тонн. Поджигатели передвигались на мотоциклах. Скот оставался на зиму без корма. Гнали его на убой на мясокомбинаты прямо стадом в Польшу с рогами, копытами и шкурой на сосиски.

* * *

1995–1997 годы. Точно не помню. И снова статья в газете «Калининградская правда». Полковник запаса писал, что имеет на руках копию плана Ельцина поэтапной передачи Калининградской области Германии. И опять молчание...

Александр Филичкин

Самара

Сахар

В начале девяностых сорокалетний Евгений перенес обширный инфаркт. Три месяца лежал в клинике, после чего был отправлен домой долечиваться. Срок реабилитации подходил к концу, и молодой инвалид чувствовал себя вполне сносно. Тем более что и робкая весна уже начала несмело вползать в родной город.

В тот солнечный день теща вернулась с улицы и сообщила:

– В оптовый магазин привезли сахарный песок в мешках по пятьдесят килограммов. Нужно купить, потому что так получается гораздо дешевле, чем на развес. Возьми саночки и сходи. Привезешь к подъезду, а сосед поможет занести на третий этаж. Я уже с ним договорилась.

Евгений не стал пререкаться. Молча оделся и отправился выполнять поручение. Дорога до магазина не заняла много времени. Евгений заплатил деньги, получил покупку и сунул чек в карман. Грузчик вытащил мешок на крыльцо, положил на салазки и помог закрепить.

Мужчина взял в руки веревочку, привязанную к санкам, и тронулся в обратный путь. На небе не было ни облачка. Радостно галдели воробьи, соскучившиеся по теплу. Солнечные лучи миллиардами бликов играли на кристалликах льда и отражались в тысячах маленьких лужиц. Большие лужи приходилось обходить стороной. Самые обширные форсировать вброд. Незаметно для себя он оказался на тротуаре, зажато с одной стороны стеной дома, а с другой обледенелым сугробом.

Евгений задумался:

– «Возвращаться назад – далеко. Пройти рядом со стеной невозможно. Там воды больше, чем по щиколотку». – Тут он увидел, что вдоль высокого сугроба тянулась узкая, кочковатая полоска льда, с поперечным уклоном в сторону воды. По пути в магазин он не обратил внимания на это препятствие и легко преодолел узкое место. Поэтому и сейчас не ощутил никакой тревоги. Быстро двинулся вперед и был уверен, что салазки катятся за ним по пятам.

Они и вправду катились до тех пор, пока одно из полозьев не налетело на небольшой выступ, расположенный со стороны сугроба. Почувствовав торможение, Евгений обернулся и заметил, что саночки стояли, опасно накренившись в сторону лужи. Мужчина встревожился и стал тихонечко тянуть веревочку на себя. Транспортное средство почти перелезло через ледышку, когда подвижный сахарный песок шелохнулся.

Сквозь полупрозрачную пластиковую мешковину хорошо просматривалась страшная картина. Крупинки сахара пришли в движение и, с едва слышным шорохом, пересыпались из верхней части мешка, в нижнюю. И чем быстрее они перемещались, тем скорее салазки теряли равновесие. Наконец, центр тяжести повозки сместился настолько, что она «сыграла оверкиль». Полозья блеснули на солнце, и дорогая покупка оказалась в луже.

Забыв об инфаркте, Евгений подскочил к салазкам. Выхватил их из воды и бегом оттащил на сухое место. Поставил на полозья и опрометью кинулся к своему дому. Возле крыльца торопливо отвязал поклажу. Бросил санки, ворвался в подъезд и поспешил наверх. Все это время из мешка текло, словно из прохудившегося ведра. Вода растворила часть сахара, и густой сироп лился на ступени. Чтобы спасти брюки, мужчина держал покупку на вытянутых руках и сдавливал ее, как Самсон глотку льва.

Мухой взлетев на третий этаж, Евгений с шумом ввалился в квартиру. Теща взглянула на зятя и мертвенно побледнела. Что напугало женщину до такой степени, он так и не узнал. То ли вид запыхавшегося инфарктника, с мешком в вытянутых руках, то ли густая жижа, заливающая пол.

Однако предаваться размышлениям не было времени, нужно было спасти продукт. Теща кинулась в комнату и расстелила на столе несколько газет. Евгений нашел ножницы и вскрыл

мешок. Сахар высыпали. Быстро разровняли и отделили сухой от влажного. Мокрые крупинки слегка потемнели и уже начали слипаться.

Нужно сказать, что сироп из мешка заляпал весь пол в комнате и коридоре. Поэтому посыпанный в спешке сахар упал уже на подготовленную поверхность. Белые кристаллы захрустели под ногами. При каждом шаге тапочки приставали к полу. После чего отрывались с чмокающим звуком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.